

Сандра Браун

От ненависти до любви

1985

Браун С.

От ненависти до любви / С. Браун — 1985

У Кари Стюарт было все, что нужно женщине для счастья, но в один миг все рухнуло. Справедливо или нет, Кари во всех своих бедах винила нового прокурора, не подозревая, что от ненависти, которая сжигала ее сердце, до любви оставался один только шаг...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сандра Браун

От ненависти до любви

Глава 1

– Есть горячее дельце, ребята, – пожар второй степени на улице Клермонт. Это недалеко от Шестой авеню, ближе к центру, по карте сразу найдете. Короче, одна нога здесь – другая там. Мне нужна сочная картинка.

Столбик пепла длиной почти в три сантиметра упал с тлеющего кончика сигареты на обшарпанный письменный стол, заваленный бумагами. Однако Пинки Льюис даже не обратил на это внимания. Директор отдела теленовостей, олицетворявший собой деловитость, прервал поток инструкций ровно на секунду, чтобы торопливо бросить подошедшей к нему молодой женщине:

– Привет, красавица.

Она же, сдвинув в сторону засохшие остатки кекса, два стаканчика с холодным серым кофе и ролик клейкой ленты, освободила уголок стола, чтобы присесть.

– Как только закончите с пожаром, – снова обратился Пинки к двум типам, которые переминались перед ним с ноги на ногу, – бегом в начальную школу, ту самую, где третьеклассники пишут письма русским. Если останется «окошко» в шестичасовом выпуске, втиснем туда школьников. Отличный сюжетик получится, очень трогательный – зрителям наверняка понравится... А где, кстати, этот чертов Джек? Кто-нибудь видел его в последнее время? Уже четыре часа, как он отправился снимать полицейский рейд против наркоты.

– Небось до сих пор там ошивается. Надеется, наверное, снять пробу с трофейного товара. Авось дадут понюхать бесплатно, – ухмыльнулся оператор, поправив на плече тяжелую камеру. Репортер, неспешно натягивавший куртку, заржал, сочтя реплику напарника остроумной.

– Он у меня понюхает, – прорычал Пинки. – А вам двоим какого шута здесь надо? – Ухмылки мгновенно исчезли с двух физиономий. Тон, которым Пинки умел разговаривать с подчиненными, зачастую творил чудеса. – Пока вы тут топчетесь, на Клермонт одни головешки останутся. А мне огонь нужен. Пламя. Чтоб настоящая трагедия была! – заорал он, выразительно размахивая руками. – А ну марш отсюда!

Репортера и оператора как ветром сдуло. Из коридора донесся удаляющийся торопливый топот. Разъяренно посмотрев им вслед, Пинки провел рукой по волосам. Бернсе, по волосам, если бы они существовали. На деле его ладонь соприкоснулась с плешью, которая в последнее время быстро увеличивалась в размерах, почти слившись с мясистым лбом в одно целое. Свое прозвище¹ он заслужил благодаря вечному румянцу в сочетании с жиденькими светлыми волосами. Оно так прилипло к нему, что уже не всякий помнил его настоящее имя.

– Ты бы поберег себя, а то чего доброго инфаркт приключится, – заметила молодая особа. С брезгливым выражением лица она вытряхнула в корзину для мусора содержимое пепельницы. Три лежавших в ней окурка не были до конца затушены и едко чадили, отравляя и без того донельзя загрязненный воздух главной редакции.

– Не-е, я слишком много виски пью, а к виски никакая зараза не липнет. – Глотнув из белого одноразового стаканчика, Пинки скривился. Можно было подумать, что он отведал своего любимого напитка, однако в стаканчике был кофе, который давно остыл и вдобавок провонял табаком. – погоди, я тебе тоже кофе куплю. – Вскочив с кресла, директор потащил

¹ Pinky – розовенький (англ.) (Здесь и далее примеч. пер.)

гостью в коридор, где стояли автоматы для всевозможных напитков и расфасованной в пакетики снеди. Эти машины были размещены в специальной глубокой нише, чтобы на них не наткнулся постоянно снующий туда-сюда народ.

Пинки сосредоточенно похлопал себя по карманам, но мелочи в них, как всегда, не оказалось.

– Ладно уж, сама куплю, – улыбнулась Кари Стюарт. Кофе был слишком горький, зато горячий. Она прислонилась спиной к стене и осторожно отхлебнула обжигающей черной жидкости.

Лицо Пинки расплылось в благосклонной улыбке. Со стороны могло показаться, что добрый папаша смотрит на свою обожаемую дочку.

– Боже милосердный, хорошо, хоть ты пришла, а то на остальных уже глаза не смотрят. Ну и денек выдался! У нас одна видеочамера накрылась, отремонтировать стоит кучу денег. Придется получить взбучку за то, что вылез из бюджета. А что прикажешь делать? Да еще, как на грех, два репортера свалились с гриппом. Ребята не бог весть что, звезд с неба не хватают, но на них хоть можно положиться. Не то, что на этих... – Он нервно икнул. – Нет, так больше нельзя. Нужно чего-нибудь выпить.

– Питаться как следует – вот что тебе нужно. Горячие обеды, сбалансированная диета, как можно меньше сигарет, как можно меньше виски...

– Да-да, мамочка, ты, как всегда, права.

– ...И хорошая, добрая женщина, которая по-настоящему позаботилась бы о тебе.

– Еще чего! – взъерепенился Пинки. Знакомые уже доконали его разговорами на эту тему. – Скажешь, что уже присмотрела мне кого-нибудь?

– Бонни.

– Боже, только не это... Сколько раз повторять, я не любитель сухофруктов! Она для меня слишком стара.

Речь шла о телефонистке, которая отвечала на звонки, поступающие на телестанцию. С величайшим терпением и поразительной самоотверженностью она долгие годы несла тяжкий крест служения придирчивому директору отдела новостей. Перед Пинки Льюисом Бонни искренне благоговела и, по сути, готова была отдать за него жизнь.

Кари рассмеялась.

– Ах, Пинки, Пинки, ты неисправим. Все такой же предвзятый, упрямый, сварливый... И вполне предсказуемый. Должно быть, именно за это я и люблю тебя. – Она шутливо ткнула пальцем его в нависавшее над поясом круглое брюшко, которое сам Пинки любил называть «запасным колесом».

– Как прошло интервью?

– Клиент, пожалуй, оправдал репутацию полного дерьма. – Они говорили о престарелом актере, который раньше играл в комедийных телеспектаклях, а в последнее время взялся ставить их сам. – Теперь мне понятно, почему все, к чему бы он ни прикоснулся, можно сразу же выбрасывать на помойку. Господи, как он сегодня со мной держался! Хамство, высокомерие, скабрёзности... Да только последнее слово все равно будет за мной. Вчера вечером мне удалось побывать у него на репетиции. Постановка – ни к черту. Остается только удивляться, какими способностями нужно обладать, чтобы так испохабить вполне пристойного Нила Саймона.²

Пинки смял пустой стаканчик и бросил его в сторону мусорного бачка. Он промахнулся, но не придал этому значения.

– Вот и ощибли этого старого гуся как следует. Нечего с ним миндальничать. Сюжет должен быть зубастым, даже в разделе новостей культуры, вести который доверено тебе.

– Так точно, господин генерал! – комически взяла под козырек Кари.

² Американский драматург.

Пунцовая физиономия Пинки изобразила высшую степень удовольствия. Он сунул в рот очередную сигарету без фильтра.

– Вот за это – люблю. За то, что ты еще никогда меня не подводила, – торжественно произнес Пинки, направляясь вразвалочку обратно в редакцию. – И еще за то, что у тебя потрясающие ноги, – бросил он вполголоса через плечо.

Кари беззлобно отнеслась к его комплименту. Подобные шуточки были для них обычным способом общения. Пинки был ее другом и союзником все те пять лет, что она проработала на Даблю-би-ти-ви. Придя на эту телестанцию, Кари Стюарт с удивлением обнаружила, что там нет ни одного живого существа, которое не трепетало бы перед вечно недовольным директором отдела новостей. И Кари, зеленая практикантка, у которой, кроме диплома колледжа, ничего за душой не было, рискнула в одиночку противостоять ему. За это Пинки сразу же уважал ее. Она разговаривала с ним так, как не осмеливался разговаривать больше никто, и это всегда сходило ей с рук, потому что та взаимная симпатия, которая связывала этих двух людей, была сильнее любых противоречий. К тому же Кари знала, что Пинки вовсе не такой свирепый, каким старается показаться подчиненным.

Пинки Льюис с присущим ему чутьем сразу разглядел в ней целеустремленного, обстоятельного, инициативного корреспондента. Именно таким доверяют самые ответственные дела, когда, по любимому выраженьицу Пинки, «ни за что нельзя облажаться». В то же время его привлекала в ней особая душевная теплота и женственность. Внутренний голос подсказывал ему, что, когда Кари появится на телеэкране, зритель будет очарован ею точно так же, как и он. Время подтвердило его проницательность.

Два года назад, когда она вышла замуж за Томаса Уинна, Пинки не на шутку забеспокоился. Он отчаянно боялся навсегда потерять ее. Однако Кари успокоила его, сказав, что не намерена бросать работу.

– Томас согласен, – сказала она тогда. – Он говорит, что, пока у нас нет детей, я могу заниматься всем, чем захочу. А я хочу работать у тебя.

– Сложная ситуация получается, – ответил ей на это Пинки, не спеша демонстрировать радость. – Могут возникнуть проблемы этического характера, то, что называется конфликтом интересов. Разве ты можешь беспристрастно освещать деятельность городского правительства, если твой муж заседает в городском совете?

– Я уже думала над этим. Что ж, отдам эту тему другому. Не хочется, конечно, но тут уж ничего не поделаешь, придется. Иного выхода не вижу.

– И к чему же мы тогда придем?

– У меня есть идея. Что, если мне попробовать себя в роли ведущей культурного раздела теленовостей?

Его белесые брови поползли на лоб, потом опустились, и между ними пролегла задумчивая складка.

– Можно, конечно, попробовать...

Пинки доверял ее суждениям. У него не было сомнений в том, что она способна успешно воплотить свою идею в жизнь. Критические комментарии Кари Стюарт всегда были изюминкой выпуска новостей. Она была остроумна и наблюдательна, но без язвительности и злобствования. Телезрители обожали ее за это.

Сейчас Кари шла в монтажную. Плотно прикрыв за собой дверь, она опустилась на стул и вытащила видеокассету из своей гигантской сумки, которая выполняла роль и рюкзака, и ридикюля. Откинув назад непослушную белокурую гриву, молодая женщина вставила кассету в гнездо громоздкого компьютерного устройства и приступила к просмотру интервью, взятого ею всего час назад.

Сняв телефонную трубку и набрав внутренний номер, она представилась:

– Это Кари говорит. Привет, Сэм, не мог бы ты принести пленку, которую отснял вчера вечером на репетиции? Я сейчас в третьей монтажной. Можешь? Отлично! Спасибо тебе.

Через несколько секунд дверь за ее спиной скрипнула, и Кари, не оборачиваясь, произнесла:

– Спасибо, Сэм. Положи на стол. Мне эти кадры нужны для антуража – через минуту займусь ими.

Она ловко нажимала на кнопки, следя за изображением сразу на двух мониторах: на одном – сырье, на другом – уже отредактированный материал. Что и говорить, компьютерный монтаж здорово экономил время. Кари была настолько поглощена этим занятием, что не обратила внимания на то, что дверь так и не закрыли.

– Кари... – проговорил за ее спиной голос Пинки, однако тон его был столь необычен, что она не могла не обернуться. Кари видела его в самых разных состояниях – от эйфории, когда, первыми откопав сенсацию, они оставляли всех своих конкурентов с носом, до пьяной меланхолии, вызванной паршивым рейтингом их передачи. Но таким она его не видела еще ни разу. Пинки весь поник, словно сдувшийся шарик, стал каким-то жалким и, что страшнее всего, был бледен.

Приподнявшись со стула, она испуганно пролепетала:

– Пинки... Что случилось?

Он положил руку на ее плечо и осторожно заставил сесть.

– Несколько минут назад по радио, на полицейской волне, к нам поступило сообщение о несчастном случае.

– И?.. – Ее сердце сжалось от дурного предчувствия. – Что это за случай?

Он провел ладонью по голове, потом по лицу. Его черты исказились.

– Автомобиль и пешеход... Это произошло всего в нескольких кварталах отсюда. Мы послали туда съемочную группу. Они только что позвонили.

Сбросив его руку с плеча, Кари встала.

– Томас? Что-нибудь с Томасом? – Никто другой не значил в ее жизни так много. Если бы это не был Томас, Пинки не вел бы сейчас себя так.

Она рванулась к двери, но Пинки удержал ее за руку.

– Да, Кари, Томас.

– Он ранен? Что с ним? Что?!

– Его сбил грузовик.

– О боже...

Пинки опустил глаза, вернее, стал смотреть прямо перед собой. Его нос находился как раз на уровне ее груди.

– Смертельный исход... Он погиб на месте. Прости, родная...

Секунды падали, как чугунные ядра. Она замерла – неподвижная, безмолвная, не в силах поверить услышанному. А потом неестественно спокойно спросила:

– Так ты говоришь, Томас погиб? – Ее пальцы вцепились в рубашку Пинки, как когти тигра, и она изо всех сил затрясла его. – Грузовик сбил? Убил его?!

В дверях монтажной уже скопилась кучка сотрудников. Женщины плакали, мужчины явно чувствовали себя неловко.

– Кари, Кари, – постарался успокоить ее Пинки, осторожно погладив по спине.

– Нет, здесь какая-то ошибка. Этого не может быть...

– Я заставил репортера перепроверить десять раз, прежде чем решился подойти к тебе...

Со смертельно бледного лица Кари на него смотрели совершенно безумные глаза, ее губы безмолвно шевелились.

– Ну же, Кари, крепись, – продолжил Пинки. – Его забрали в центральный госпиталь Денвера. Я отвезу тебя туда.

Первое, что поразило ее, был холод. В столь холодном помещении ей не приходилось бывать никогда. Двойные двери, распахивающиеся в обе стороны, плавно закрылись за ней и Пинки, когда они вошли внутрь. Кари съежилась, мгновенно возненавидев это место, сияющее мрачной, холодной чистотой.

Флюоресцентные лампы ослепляли. Их свет, беспощадно бьющий в глаза, был вызывающе неприличен. Разве не темной и скорбной должна быть эта комната? Разве смерть не заслуживает хотя бы минимального уважения? Однако в этом заведении, судя по всему, смерть считали чисто физиологическим явлением, а потому заботились исключительно о стерильности. И еще о холоде.

Ей захотелось повернуться и убежать, однако Пинки легонько подтолкнул ее вперед. Человек в белом халате, сидевший за письменным столом, поднял глаза от бумаг и тут же встал.

– Миссис Уинн?

– Да.

Он подвел их к большому столу, накрытому белой простыней. Под тканью прорисовывались контуры человеческого тела. Кари начали сотрясать глухие рыдания, и, чтобы сдержать их, она прикрыла рот ладонью.

Как она поведет себя в этой ситуации? Достанет ли у нее сил смотреть на окровавленный, обезображенный труп Томаса? Не оскорбит ли она своим поведением и его, и себя? Заголосит? Упадет в обморок? Забьется в истерике?

Патологоанатом отдернул край простыни.

То, что она увидела, поначалу показалось ей чьей-то дурацкой шуткой. Или чудовищной ошибкой. Ее глаза поднялись и впились в лицо человека, держащего простыню. Он увидел в них немой вопрос, неверие...

– Он погиб от удара, – тихо произнес мужчина в белом халате. – Грузовик ударил его сзади. Травма позвоночника сразу же сказалась на мозге. На спине остался след. В противном случае...

Он не договорил.

Кари смотрела на Томаса все так же непонимающе. Могло показаться, что он уснул. Не более того. Его лицо было абсолютно безмятежным; седые волосы, которые так понравились ей во время их первой встречи, аккуратно причесаны. Рука лежала на столе вполне естественно, словно отдыхала – вот-вот поднимется и возьмет теннисную ракетку или погладит Кари по щеке.

Длинное, худощавое тело Томаса выглядело таким же сильным и свежим, как утром, когда она целовала его на прощание. Он с почти религиозным фанатизмом истязал себя тренировками в спортзале, чтобы сохранить высокий мышечный тонус и застраховаться от всех тех неприятностей, которые обычно приходят к мужчине после сорока.

– Томас, Томас, милый, – громко прозвучал ее шепот в безмолвном помещении. Кари даже ожидала, что он сейчас откроет глаза и посмотрит на нее, произнесет ее имя, улыбнется. В голубых глазах мелькнет знакомая искорка. Вот-вот прозвучит его сочный смех.

До этого она боялась, что не вынесет вида его истерзанного тела. Однако видеть его мертвым без единой царапины было едва ли не хуже. Его неизменившиеся черты создавали ощущение полного абсурда, нереальности происшедшего. Происшедшего? Но ведь ничего не произошло!

Нет, произошло. Томас был устрашающе неподвижен.

– Куда прикажете нам его доставить?

– Доставить? Его? – рассеянно переспросила Кари.

– Я вам позже позвоню, – поторопился вставить слово Пинки. – Миссис Уинн еще не успела сделать необходимые приготовления.

– Понимаю. – Патологоанатом начал опускать край простыни.

– Подождите! – выкрикнула она. Ее крик жутковатым эхом прозвучал в стенах, выложенных кафелем. Она не могла оставить его в этом ужасном месте. Где угодно, но только не в этой холодной комнате. Оставить Томаса лежать на этом столе с лицом, накрытым простыней, означало бы официально признать факт его смерти. Однако она еще не была готова к этому. Она не могла признать, что Томас, ее муж, мертв.

– Нам пора, Кари, – бережно обнял ее за плечи Пинки.

– Томас... – Слезы обильно текли по ее щекам. Она робко протянула руку. Дотронулась до его волос, лба. И, уже не сдерживая рыданий, рухнула в объятия Пинки. Он вывел ее из морга.

То, что произошло, было чудовищным, неслыханным, неправдоподобным. В тот день на небе не было ни облачка. По какой-то загадочной причине водитель грузовика службы доставки, поворачивая за угол, не справился с управлением. Грузовик пошел резко вправо, перепрыгнул через бордюр... Так Денвер лишился одного из своих самых достойных граждан, а Кари Стюарт-Уинн – мужа. Он возвращался в здание суда после обеда, который был для него одновременно и деловой встречей. Шел легко и беззаботно, пребывая во власти обманчивого чувства безопасности, которое входит у людей в привычку, помогая им забыть о собственной смертности. Он погиб сразу, в момент удара.

Глядя на гроб, усыпанный цветами, Кари размышляла над тем, как получилось, что Томас, ее жизнерадостный, подвижный Томас, оказался вдруг в этих деревянных оковах.

Она крепко сжала руку Пинки, который в последние два дня служил ей защитой и опорой. Он позаботился абсолютно обо всем, в то время как Кари жила и двигалась, словно в густом тумане. Она была благодарна судьбе, которая в это тяжелое время даровала ей сон души, защитив от жестокой реальности. Без этого она вряд ли бы выжила.

У нее не было родителей, которые утешили бы ее в горе. Мать умерла, когда Кари была еще ребенком. Отец, которого она любила всей душой, ушел в мир иной незадолго до того, как она закончила колледж, получив диплом специалиста в области средств массовой информации.

А теперь покинул ее и Томас.

Похороны прошли перед ее глазами, не вызвав ничего, кроме ощущения пустоты. Лишь на пути домой в одной машине с Пинки и Бонни она начала плакать. Бонни молча протянула ей коробку с бумажными салфетками.

– Помните нашу с ним свадьбу? – горестно спросила Кари своих спутников. – Все тогда были в шоке. – Она заметила, что голос ее сел. Должно быть, плакала и раньше, только не замечала.

– Люди всегда испытывают шок, когда супружеская пара не соответствует их представлениям о норме. А между вами было больше тридцати лет разницы. Так что удивляться нечего, – рассудительно произнес Пинки.

– Тридцать два года, – уточнила Кари. – Однако я никогда не чувствовала этой разницы в возрасте.

– Томас выглядел значительно моложе своих лет. Правда, он и жил совсем не так, как большинство мужчин, которым за шестьдесят.

– Верно, он был особенным. – Кари повернулась к Бонни и грустно улыбнулась, а затем посмотрела в окно машины. Ей было удивительно видеть толпы пешеходов, спешащих по тротуару. Для большинства людей это был обычный будний день. Жизнь продолжалась.

– Помню, как я была подавлена смертью отца, – задумчиво произнесла она. – Я пришла на Даблю-би-ти-ви с твердым намерением сделать работу главной целью своей жизни. Работа, и больше ничего... Но потом встретила Томаса, и моя жизнь обрела новый смысл. Не знаю,

что и делала бы без него. Мы были так счастливы, – вздохнула Кари. – И почему только судьба так нетерпима к человеческому счастью?

– Судьба – завистница известная, – мягко подтвердила Бонни. – Ты красива и талантлива. Томас Уинн был богат, ему всегда сопутствовал успех. Оба вы, казалось, имели все, что только можно пожелать.

– Нам и в самом деле ничего не было нужно, кроме нас двоих, – согласилась Кари, в то время как Пинки перестроился в ряд, который вывел их машину напрямик к дому, где они жили вместе с Томасом. – Может, зайдете на минуту?

– А стоит? – спросил Пинки. – Не хотелось бы навязывать тебе сейчас наше общество. Хотя, если честно, я с удовольствием глотнул бы чего-нибудь.

– У меня есть как раз то, что ты любишь, – ответила Кари. Порывшись в сумке, она вытащила ключ и открыла входную дверь. Сегодня она отпустила прислугу, с тем чтобы они смогли присутствовать на похоронах хозяина. К тому же в этот день ей никто, кроме близких друзей, не был нужен. – Специально для тебя держу сивуху, которую, кроме твоей милости, никто в рот взять не может.

Шутка получилась не очень удачной, однако Пинки оценил ее. Он прекрасно знал, что у нее сейчас на душе. Томаса Уинна она поистине боготворила. Сам же Пинки не считал их брак нормальным, однако ни разу не отважился высказать свою точку зрения вслух, тем более в присутствии Кари. Она не терпела от посторонних не то что критического слова – даже намек на критику в адрес собственного мужа.

Дом был холоден и мрачен. Скучные лучи солнца пробивались сквозь узкие и высокие окна. Войдя в комнату, Кари перевела вверх рычажок регулятора тепла. Сняла пальто и шляпу, оцепенело посмотрела на них, словно не зная, куда деть. В конце концов вещи полетели на стул.

– Я сам налью, – торопливо произнес Пинки, направляясь к антикварному шкафчику, переделанному под бар. – Ты что будешь, Бонни?

– Виски без содовой.

– Вот это я понимаю! Серьезную девушку сразу видно. А ты, Кари?

– А-а... Что угодно. – Она обессиленно опустилась на диван.

Бонни Стрэнд потянулась к ней со своего кресла и успокаивающе взяла за руку. Пинки за глаза называл эту женщину «сухофруктом», однако при этом явно кривил душой. Она не была похожа на сушеное яблоко. Отнюдь. Серые искорки в каштановых волосах Бонни лишь смягчали резковатые черты ее лица. При этом оно нисколько не теряло своей красоты и выразительности.

Это была хорошо сохранившаяся, ухоженная, самостоятельная женщина лет сорока пяти. Подарив ей одного за другим трех сыновей, муж бросил ее, и с двадцати двух лет Бонни приходилось вести неустанную борьбу за то, чтобы прокормить себя и своих мальчиков. Теперь они уже выросли, окончили колледж, и каждый вел вполне обеспеченную жизнь. Бонни Стрэнд отличалась твердым характером, но в то же время имела доброе сердце. Она была одной из наиболее цельных натур, которые довелось знать Кари.

– Мне придется уехать из этого дома, – проговорила Кари, нарушив молчание.

– Почему? – удивилась Бонни.

– Милая, – убедительным тоном произнес Пинки, подходя к ним с напитками, – ты сейчас просто не в состоянии принимать подобные решения.

– Если я не сумею взять себя в руки, если по-прежнему буду стараться ни о чем не думать, то, боюсь, мой мозг отключится, и я впаду в кому. – Ей нужно было во что бы то ни стало заставить себя продолжать жить. Неужели им это непонятно? Естественно, ей не хотелось даже шевелиться, не говоря уже о том, чтобы строить планы на будущее. И все же она знала, что должна что-то делать. Должна! – Все уже решено. Я уеду отсюда, как только соберу вещи.

– А ты вполне уверена, что тебе это так необходимо? – спросил Пинки, сунув ей в руку бокал.

Это был бренди. Кари сделала глоток и зажмурилась, когда сладкий огонь потек по ее жилам.

– Да. В этом доме жила первая семья Томаса. Ты видел сегодня на кладбище его сына и дочь. Они вполне могли восстать против отца, когда мы с ним поженились, однако не сказали ни слова против. Именно его первая жена сделала этот дом домом в полном смысле слова. Их дети выросли здесь. И я не хотела, чтобы у них хотя бы на секунду возникло подозрение, что я задумала прибрать к рукам то, что не принадлежит мне по праву. – Она отпила еще бренди. – После того как мы поженились, Томас изменил завещание. Но я настояла, чтобы и по новому завещанию дом оставался детям.

– Довольно щедро с твоей стороны, – протянул Пинки, озираясь по сторонам. – Это гнездышко стоит по меньшей мере миллион.

Поместье, занимавшее более гектара земли, находилось в Черри-Хиллс – наиболее престижном районе Денвера. Обсаженная голубыми елями асфальтовая дорожка вела к величественному зданию, в котором было пятнадцать комнат. В поместье имелся теннисный корт с искусственным освещением, плавательный бассейн и конюшня. Само поместье было не менее живописно, чем стоявший в его центре особняк в духе эпохи Тюдоров.³

Разведя руки в стороны, Кари изобразила на лице лучезарную улыбку.

– Я девушка простая, каждый день работаю. Ну зачем мне все это? – По выражению лиц собеседников она видела, что те не слишком ей верят. – Все светские развлечения, которые были у нас с Томасом, теперь в прошлом. Большинство наших знакомых – его друзья. Так что соберу я вещички и подыщу себе квартирку поскромнее. – Кари опустила глаза. Луч полуденного солнца, упавший на ее бокал, заставил бренди искриться, как янтарь. – К тому же я просто не хочу жить здесь без...

Она напряглась, сдерживая слезы, готовые снова хлынуть из глаз. Справившись с ними, Кари обратилась к Пинки:

– Ведь я еще не потеряла работу, не так ли?

– Да не беспокойся ты о своей работе, – ласково проворчал он, затрусив обратно к бару, чтобы снова наполнить свой опустевший стакан.

– Не беспокоиться? В то время, когда Салли Джен-кинс неймется занять мое место в программе? Ну уж нет. Через неделю я снова буду на рабочем месте!

– Лишь для того, чтобы разреветься перед камерой? – разгневанно прогремел Пинки, волчком повернувшись на месте. – Не торопись, Кари. Подожди, пусть твои раны хоть чуть-чуть затянутся. А об этой сучке даже думать забудь. Да, она заменяет тебя, но временно. Слышишь? Вре-мен-но! Когда ты вернешься, твое место будет ждать тебя. Ты сама прекрасно знаешь это. И пусть эта сопливая потаскушка Дженкинс делает что хочет. Неймется, скребется...

– О чем это ты? – неожиданно выпрямилась в кресле Бонни.

– А что я такого сказал?

– Как-то странно ты это сказал: «скребется».

– Это всего лишь рифма к гораздо более выразительному слову, означающему то, на что готова Дженкинс, когда хочет получить место в программе.

– Ты хочешь сказать, она не прочь переспать с тем, кто может ей это место обеспечить? – прошипела сквозь зубы Бонни, не терпевшая недомолвок.

– Ага...

– Она и тебе предлагала?

Уперев мясистые кулаки в пухлые бока, Пинки устремил на нее испепеляющий взгляд.

³ Королевская династия Англии, правившая с конца XV до начала XVII века.

– Да, предлагала! Ну и что из этого?

– И что же ты? – хладнокровно допрашивала Бонни.

– Ничего! Я в постели сделок не заключаю.

Благосклонно улынувшись, Бонни снова расслабилась в кресле.

– Что же ты в ней, интересно, делаешь?

Застонав от отчаяния, Пинки повернулся к Кари.

– В общем, твое рабочее место – за тобой.

– Спасибо, Пинки, но мне отпуск не нужен. Постараюсь выйти, как только перееду отсюда на новое место. Томас бы меня понял, – добавила она тихо, опустив голову. Ее палец скользил по краю бокала.

Многозначительно взглянув на Пинки, Бонни встала.

– Мы, пожалуй, пойдем, Кари. Если, конечно, больше тебе сегодня не нужны. Ты только скажи...

Кари тоже встала.

– Нет-нет, спасибо вам обоим. Со мной все будет в порядке. Мне и в самом деле хочется побыть одной.

В прихожей Пинки взял ее за руку.

– Выходи на работу когда сочтешь нужным. Будем рады видеть тебя в любой день. Об одном прошу – пощади себя. Твои жертвы никому не нужны.

– О каких жертвах ты говоришь? С моей стороны их нет и в помине.

– Ну и характер! Вот что мне по-настоящему в тебе нравится.

Кари ласково улынулась ему. Даже в темном костюме и строгом галстуке он выглядел помятым и взъерошенным.

– А про ноги забыл? – лукаво напомнила она.

Чмокнув ее в щеку, Пинки смущенно отвернулся. Бонни уже стояла рядом с машиной в ожидании, когда он откроет перед ней дверцу.

– Чего стоишь? – буркнул ей Пинки. – Садись.

Он втиснулся за руль, и Бонни не оставалось ничего иного, как открыть дверцу самой. Сев справа от водителя, она хлопнула дверью так, чтобы он почувствовал ее недовольство. Машина тронулась с места.

На губах Кари появилась слабая улыбка, но быстро исчезла, стоило молодой вдове остаться наедине с пустотой этого огромного дома, пустотой своей теперешней жизни.

Ледяное пиво обжигало горло. Оно было таким холодным, что невозможно было даже почувствовать его вкус. Он поставил открытую банку на стол и устало опустился в свое любимое кресло, которое было словно специально сконструировано для его спины. Усталость начала понемногу уходить из позвоночника. Приставив ладонь козырьком ко лбу, он уставился в телевизор. Звук был выключен – комментарий к этому сюжету из выпуска теленовостей зритель знал уже наизусть. А вот картинкой он был по-прежнему заинтригован.

Должно быть, он один не присутствовал на этих похоронах. Первая пресвитерианская церковь была набита до отказа – там давно уже негде было яблоку упасть, а народ все прибывал, постепенно заполняя церковный двор. Почти все присутствующие сочли своим долгом присоединиться к длинной похоронной процессии, которая проследовала из церкви на кладбище. Все телестанции Денвера в подробностях освещали пышную погребальную церемонию.

Томас Уинн, предприниматель, специализировавшийся на сделках с недвижимостью, и одновременно один из «отцов города», пользовался всеобщим уважением. Жена у него была красивая и умная, телезвезда вдобавок. Вдвоем они олицетворяли американскую мечту. Но, к сожалению, всему приходит конец. Мечте тоже.

И ему, Хантеру Макки, судьбою уготовано разбить остатки этой мечты вдребезги, превратив жизнь вдовы Уинна в крошечный ад.

Зазвонил телефон. Сдвинув очки в черепаховой оправе на лоб, мужчина потянулся вперед и ткнул пальцем в кнопку «стоп» на панели видеомонитора.

– Макки, – отрывисто произнес он в трубку.

– Привет, Хантер, это Сайлас Барнс.

– Привет, Сайлас. Как первая неделя на пенсии?

– Беспокорно.

Хантер весело рассмеялся.

– Могу себе представить. Нелегко, должно быть, привыкать к тишине, после того как больше двадцати лет пропарился в шкуре окружного прокурора Денвера.

– Новости по телевизору смотрел? – Бывший прокурор, отринув светские условности, перешел к сути дела. Этот человек не разменивался на пустопорожнюю болтовню, и Хантеру это нравилось.

– Да, – ответил он, мгновенно посерьезнев. – Ну и дельце ты мне подбросил, Сайлас.

– Ты уж извини меня. Оно и до этого было непростым. А уж теперь...

– И не говори, – тяжело вздохнул Хантер, запустив пальцы в свои волосы цвета красного дерева. – Грехи мистера Уинна переходят по наследству к его вдовушке.

– Такая молодая, симпатичная...

– Что-то скуповат ты на комплименты, Сайлас. Она заслуживает большего.

Старик рассмеялся.

– Так ведь о тебе же беспокоюсь, – чтоб ты не слишком размяк, думая о ней. Полагаешь, она согласится давать показания?

– Не знаю даже, как и просить ее об этом. Боязно как-то.

– Больно жирно будет – просить. Не исключено, что тебе придется попросту заставить ее разговаривать.

– Этого я опасуюсь еще больше.

– Ну что ж, как знаешь. Если чем-то могу быть полезен...

– Мог бы повременить с отставкой несколько месяцев, пока не распутал бы это дело до конца.

– Извини, брат, здоровье не позволяет. Сожалею, конечно, но приходится перевешивать это дело со своей шеи на твою. Ох, боюсь, увязнешь ты, Хантер, в этом болоте по уши, и очень скоро.

– Кажется, это называется продавать товар с нагрузкой, не так ли?

– Вроде того. Если бы я не был уверен, что ты все-таки сможешь выкарабкаться из этой трясины, то и не стал бы рекомендовать тебя на должность временно исполняющего обязанности. Остается подождать выборов, и этот пост станет для тебя постоянным. Во всяком случае, все пока к тому идет.

– Весьма польщен доверием. Спасибо, что позвонил.

– Счастливо...

Положив телефонную трубку, Хантер взял со стола банку с пивом и сделал осторожный глоток. Пока пленка в видеомониторе перематывалась назад, он водрузил очки на нос и через несколько секунд постарался еще внимательнее всмотреться в знакомые кадры, хотя и видел их по меньшей мере раз десять, с тех пор как они впервые появились в выпуске новостей в шесть вечера.

Вот она – выходит из лимузина. Черное одеяние подчеркивает хрупкость этой женщины. Кажется, перед тобой не человек даже, а фарфоровая статуэтка, которую только толкни нечаянно – и осколки усеют землю. На толпу не глядит, от телекамер отворачивается, но осанка прямая, гордая.

Нелегко, наверное, быть знаменитостью, в особенности, когда на твои плечи наваливается подобная трагедия. Тысячи глаз устремлены на тебя, каждый стремится прочесть на твоём лице горе. Частная жизнь перестаёт быть твоим достоянием – туда лезут все кому не лень. И все же этой тоненькой женщине удается держаться с редким достоинством.

А вот и тот самый момент! Наезд камеры – и лицо на экране крупным планом. Лицо, необыкновенное в своей одухотворенности... Даже вуаль, спадающая со шляпки, не может скрыть ее красоту. Во всяком случае, это не лицо злоумышленницы. Каждая линия прорисована предельно четко. В чем, должно быть, и заключается секрет телегеничности этой женщины. Косметики совсем немного, и это делает ее особенно человечной, трогательно-юной и ранимой.

Он тихо выругался. Ну почему господь не послал ему какую-нибудь продувную бестию, на которой клейма ставить негде? Почему не выглядит она лукавой обманщицей, жадной и вульгарной, хитрой и изворотливой? Ведь работать с такими – одно удовольствие. А тут на тебе – героиня высокой трагедии, ни дать ни взять принцесса из сказки братьев Гримм!

А подбородок-то, подбородок какой! Изящный, но твердый. И нос тоже изящный, тонкий. А рот мягкий и... женственный. Вот ведь черт, по-другому и не скажешь! Светлые волосы стянуты в тугий пучок на затылке. Жаль только, в объектив ни разу не взглянула. А может, это и к лучшему – не знать, какие у нее глаза, их форма, цвет, выражение...

Затем следовала сцена, которая неизменно вызывала в его душе сильнейшее волнение. С одержимостью мазохиста он просматривал ее снова и снова, чувствуя, как учащенно бьется сердце и шершавый ком встает в горле всякий раз, когда тонкая рука в темной перчатке брала белую розу. Вот прекрасные губы сквозь густую вуаль целуют не до конца раскрывшийся бутон, и цветок медленно ложится на крышку гроба. Эти пальцы, тонкие и чуткие, как у ребенка, словно не хотят отпускать колючий стебель.

Хантер, разозлившись на самого себя, снова ткнул в кнопку «стоп». Все, хватит. Больше эту запись он смотреть не будет. Бросив очки на край стола, Макки побрел на кухню за новой банкой пива.

В самом деле, стоит ли себя накручивать заранее? Вполне возможно, что допрашивать миссис Уинн вовсе не потребуется. А если и потребуется, то он допросит ее. И еще как допросит – уж в этом будьте уверены! Ему поручили серьезное дело, и ничто – вот именно, ничто! – не помешает ему с блеском довести это дело до конца.

В настоящее время он исполнял обязанности окружного прокурора. В его юрисдикцию входил не только Денвер, но и весь округ, включавший в себя этот город. Прокурорский пост закреплялся за ним до тех пор, пока не будут проведены специальные выборы, в результате которых определится официальный преемник Сайласа Барнса. И если он, Хантер Макки, хочет, чтобы выбор пал именно на него и эта должность досталась ему насовсем, в служебном рвении ему нужно превзойти самого себя, потому что налогоплательщики в этот период будут дено и ночью следить за каждым его шагом. Но дело не только в его тщеславии. В первую очередь необходимо, чтобы восторжествовало правосудие. Так или нет? Конечно, так!

Отчего же в таком случае у него на душе кошки скребут? Где прежний боевой пыл рыцаря правосудия, готового на все ради правды? Где стремление сделать секреты семейства Уинн достоянием гласности? Почему вместо всего этого он ощущает необъяснимую потребность защитить Кари Стюарт-Уинн от всех неприятностей? В том числе и от самого себя...

Подойдя к окну своей квартиры, он поднял жалюзи. Его взгляд уперся в острые углы ночного силуэта Денвера. Интересно, что она делает сегодня вечером? Все еще ходит в своем черном платье? А волосы – они все так же собраны на затылке? И есть ли сейчас кто-нибудь с ней рядом? Чтобы обнять, утешить...

От этой мысли он почувствовал горечь, перебившую даже вкус пива. Это была ревность.

Возвращение будет нелегким, и самым трудным станет первый день. Она знала это. Главное – сжать зубы, толкнуть дверь и идти. Только вперед, не оборачиваясь и не останавливаясь. Господи, хоть бы они не смотрели на нее так жалостливо. Хоть бы не смотрели вообще! Объективы видео – и телекамер ей не мешали – пусть смотрят, они неживые. А вот глаза человеческие – совсем другое дело. Их взгляд был для нее сейчас невыносим.

Бонни, помахав ей из своей стеклянной будки, подняла большой палец: мол, все будет хорошо. Кари пошла дальше по коридору. Ободряющий жест и в самом деле вселил в нее какую-то уверенность.

За время ее отсутствия в главной редакции ничто не изменилось, если не считать людей, которые менялись в ней все время. Ряд мониторов, подвешенных для лучшего обзора под самый потолок, давал представление о содержании программ основных телекомпаний. Все три ведущие телекорпорации страны⁴ показывали взволнованных людей: на одном из мониторов взволнованно обнималась парочка из заезженного телесериала; на другом волновался, не веря в собственную удачу, победитель какой-то викторины; на третьем рекламная домохозяйка не на шутку была взволнована пятнами на белье, которые не брал обычный стиральный порошок. Две местные частные телестанции дружно гнали черно-белые кинокомедии тридцатилетней давности. Отдельный монитор был сплошь заполнен цифрами, отражающими состояние рынка ценных бумаг. Тот же, который был подключен к их собственной студии, оставался темен и тих.

Над рядами письменных столов витали густые клубы табачного дыма. В одном углу шла оживленная перестрелка комками мятой бумаги. Это изнывали от безделья редакторы, ожидающие возвращения с заданий корреспондентов с текстами и отснятым материалом. Продюсер шестичасового выпуска изливал кому-то душу, кляня на чем свет стоит свою бывшую жену. Слушатель ему попался идеальный – молчал и только сочувственно кивал головой. Телефоны надрывались от звонков. Телетайпы деловито отстукивали новости со всего света.

Рабочий стол Пинки был пуст. Кари бочком прошла на свое место, которое было отгорожено от других переносной ширмой, в образовавшийся укромный «загончик». Стол оказался завален корреспонденцией. Просмотрев письма, она отложила в отдельную стопку карточки с соболезнованиями. Через час ее правая рука онемела от писанины – каждому из авторов этих посланий надлежало выразить признательность за разделенную скорбь.

Едва она справилась с этим нелегким делом, как тишина была нарушена потоком соленой брани. Так виртуозно мог выражаться только один человек на свете. Поднявшись со стула, Кари увидела, как Пинки подходит к своему столу, не переставая разносить на ходу понуро плетущихся следом Салли Дженкинс и режиссера студии. От его сигареты уже почти ничего не осталось, однако Пинки, не замечая этого, яростно перекачивал крохотный тлеющий окурочек из одного уголка рта в другой. Его жидкие волосы стояли дыбом, – казалось, с их концов вот-вот посыплется искры.

И тут он заметил Кари. Поперхнувшись ругательством, Пинки оттолкнул спутников в сторону и ринулся к ней.

– Слава тебе господи, вернулась! А то я тут без тебя, наверное, скоро с ума сойду. – Пинки крепко обнял ее, а потом гневно обернулся к другим. – А вам что, делать нечего? – заорал он. – А ну за работу, бездельники, живо!

Не обращая внимания на вопли начальника, Салли Дженкинс сочувственно положила руку на плечо Кари.

– Уже вернулась? Так скоро?

Выражая сочувствие, девушка с вьющимися рыжими волосами широко распахнула глаза, изобразив самую невинность. Однако ее невинный вид не мог ввести Кари в заблуждение. Как-то раз один знакомый кинорежиссер поведал ей о собственном свидании с Салли, снабдив свой

⁴ Эй-би-си, Эн-би-си и Си-би-эс.

рассказ такими подробностями, которые невозможно было выслушивать без содрогания. Бюст рыжеволосой красавицы своими пропорциями до смешного напоминал грудь куклы Барби. Что было вовсе не удивительно, поскольку эта часть тела была дарована ей не господом, а одним из городских светил в области пластической хирургии. Впрочем, благодаря умелому использованию своего выдающегося во всех отношениях украшения Салли давно окупила стоимость операции. Кари недолюбливала ее, поскольку рыжая лиса без зазрения совести пускала в ход свои прелести для продвижения вверх по карьерной лестнице, тогда как другим для этого приходилось работать на износ.

– Завидую твоей стойкости, – мурлыкнула Салли, ужом выскользнув из главной редакции.

– Пустышка, – пробормотал Пинки, закуривая новую сигарету. – Облажалась вчера со вступлением. Не разобрала что к чему, да тут еще режиссер, как на грех, пустил пленку раньше времени. Ну и пошло-поехало...

– Я смотрела вчерашний выпуск, – сказала Кари.

– Значит, видела, что это было за позорище. О господи, ты даже не представляешь, до чего я рад, что ты вернулась! Еще один такой номер с ее участием, и... Нет, конечно, бюст у нее – высший класс, тут и я перед ней снимаю шляпу. Да боюсь только, он полностью заменяет ей оба полушария головного мозга, потому что в башке у нее пусто, как в космосе.

Кари рассмеялась. На душе у нее теперь действительно стало гораздо легче. Пинки придирчиво посмотрел на нее.

– Не могу сказать, что ты в блестящей форме, но знаю, что бывает и хуже.

– Спасибо за комплимент.

– Переехала?

Она кивнула:

– В кондоминиум⁵ рядом с водохранилищем. Дом не очень большой, зато начинен всевозможными новейшими удобствами. Плавательный бассейн и теннисный корт – бесплатно. Плюс круглосуточная охрана.

– Что ж, берлога и в самом деле с удобствами. Уж не собираешься ли ты впасть в зимнюю спячку?

– Какая там спячка, когда каждый вечер тысячи людей ждут моего появления на телеэкране!

Однако этот ответ не удовлетворил Пинки.

– Я тебе спать не позволю, так что даже думать об этом забудь, – предупреждающе помаhal он коротким указательным пальцем перед ее носом. – Томас умер, но ты-то, черт возьми, жива! И я в случае чего всегда напомню тебе об этом. А пока, – заключил он, сунув сигарету в рот и хлопнув в ладоши, – проповедь закончена. Так что, милая моя, соберись-ка и изготвь для сегодняшнего выпуска что-нибудь удобоваримое. А не то посажу на твое место Пустышку на веки вечные.

Кари вернулась за свой рабочий стол. Теперь у нее не оставалось ни малейшего сомнения: она правильно поступила, вновь окунувшись в атмосферу телестанции. Именно это было сейчас ей нужно – грубоватые словечки Пинки, работа наперегонки со временем, вечное стремление успеть к последнему сроку, редакционная толкотня и суматоха.

Жаль только, нельзя забрать все это домой, чтобы не оставаться ночью в одиночестве.

⁵ Жилищный комплекс.

Глава 2

Она вышла на тротуар и подставила лицо ласковым солнечным лучам. На ее ресницах дрожали слезы, но то были слезы радости, от которых на душе становилось светло и легко. В разгар рабочего дня озабоченные пешеходы спешили мимо, едва не натываясь на нее. Но ей не было до них никакого дела. Обхватив себя руками, она самозабвенно рассмеялась. Кому-то могло показаться, что эта женщина, счастливо смеющаяся посреди улицы, сошла с ума. Однако причина смеха была совсем иной.

Она была беременна.

Эти два месяца, прошедшие со дня смерти Томаса, Кари не жила, а существовала, лишь притворяясь, что живет: спала, ела, двигалась, ходила на работу, но сердце ее оставалось мертвым. И так день за днем, словно в летаргическом сне. Вскоре самочувствие ее заметно ухудшилось, однако она не придавала этому особого значения. Учитывая угнетенное состояние духа, это, казалось, было вполне естественным. Однако болезненное состояние усиливалось, и по настоянию Пинки она в конце концов решила показаться врачу. Каких-нибудь несколько минут назад ей сообщили, что такой хвори радоваться надо.

– Думаю, вы сейчас где-то на десятой неделе, – глубокомысленно изрек доктор. Душа ее пела от счастья, а врач обеспокоенно хмурился. – Вы на грани истощения – эмоционального и физического. Чрезмерно худы. Ешьте. Пейте молочные коктейли. Наберите вес. Считайте это приказом: к следующему приему – непременно поправиться. У вас ярко выраженная анемия, так что прописываю вам железосодержащие препараты. Но главное – побольше отдыхайте. Как можно больше.

Кари выслушала рекомендации врача, внемля ему, как язычник оракулу. Взгляд его наконец подобрел.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, остается надеяться, что новость о том, что у вас будет ребенок, не стала для вас ударом.

– Ударом? Для меня? Да что вы, доктор, я никогда еще не была так счастлива!

Облегченно вздохнув, он улыбнулся и продолжил свой нескончаемый перечень полезных советов.

Теперь, стоя у дверей приемной доктора, располагавшейся в самом центре города, она могла вволю насладиться свалившимся на нее счастьем. Ее охватила подлинная эйфория, казалось, душа ее купается в прохладных струях кристальной чистоты. У нее под сердцем был ребенок Томаса! В ее чреве теплилась новая жизнь, его крохотная частичка.

Быстро добежав до парковки, Кари вскочила в свой небольшой автомобильчик и направилась на телестанцию.

Пинки, оторвавшись от утренней газеты, поднял глаза, когда она подошла к его столу.

– Ну? – хмуро поинтересовался он.

Кари замялась. Сказать ему? Или приберечь пока этот драгоценный секрет, оставить для себя? Может, имеет смысл некоторое время понаслаждаться своим счастьем в одиночку? К тому же еще неизвестно, как Пинки воспримет эту весть. И как вообще отнесется к ее беременности руководство телекомпании? Тем более что речь идет не о ком-нибудь, а о телеведущей.

– Доктор прописал тонизирующее, – сообщила она, потупив глаза, чтобы он не заметил в них радостного блеска.

– А-а, джин с тоником... Что ж, не дурак твой доктор. Эта штука и в самом деле неплохо помогает. Для тебя – в самый раз, я и сам так думаю.

– Какой еще джин? Ты что, окончательно спятил? – засмеялась она. – Мне нужны витамины, железо и прочее в том же роде. И все тогда у меня будет в порядке. Просто замечательно будет! Ты сейчас свободен? Пойдем пообедаем вместе.

– Я уже заказал себе гамбургер.

Однако она все же вытащила его за руку из-за стола.

– Удивляюсь, как тебе еще не опротивела всякая дрянь из этой грязной столовки, что напротив! Тебе только отравиться не хватало! Запомни, я отныне на диете, мне нужно правильное питание, и ты должен мне в этом помочь. Знаешь что, пойдём-ка куда-нибудь, где подают салаты, фрукты, овощи. Вот что сейчас не повредит нам обоим!

На лице Пинки появилась гримаса отвращения, однако от приглашения он не отказался. Впервые с тех пор, как Кари овдовела, в ней наконец появилось что-то человеческое, живое, и ему не хотелось, чтобы неожиданно наметившаяся благотворная тенденция столь же внезапно повернула вспять.

– Мне сегодня позвонили. Очень любопытный звонок...

С того дня, как Кари узнала о своей беременности, прошло три недели. За это время она заметно изменилась к лучшему. Слегка подстригла волосы. И вид у нее стал поистине цветущим, чему в немалой степени способствовали питательные маски, которые она, как и прежде, начала накладывать на лицо раз в неделю. Щеки округлились, цвет лица больше не был землистым, а в глазах появились прежние задорные искорки. Ее жизнь снова обрела смысл, а потому казалась прекрасной!

Столь чудесное воскрешение из мертвых оставалось для Пинки загадкой, но какова бы ни была причина, он в любом случае был рад внезапной перемене, наступившей в Кари. После смерти Томаса она превратилась в зомби, и видеть ее такой было выше его сил. Молодая, жизнерадостная женщина в одночасье стала узницей темницы, имя которой – скорбь, и Пинки боялся, что ей никогда больше не суждено увидеть свет. Но она вопреки всему нашла в себе силы сбросить оковы. Вот и слава богу...

– Ну и кто же тебе звонил? Или прикажешь в угадку с тобой играть? – неприятливо буркнул директор отдела новостей, снимая ноги с края письменного стола. Пинки теперь не слишком церемонился с Кари. Их взаимоотношения входили в старую колею. Между ними, как и раньше, время от времени вспыхивали словесные перепалки, что позволяло им обоим чувствовать себя в своей тарелке.

А потому она совершенно не ступевалась под его взглядом, который иному показался бы откровенно враждебным.

– Хантер Макки, исполняющий обязанности окружного прокурора.

Прежде чем заняться тележурналистикой, Пинки долго работал в отделе городских новостей одной крупной газеты. Поварившись в этом котле больше пятнадцати лет, он теперь практически ничему не удивлялся. Пинки хвастал, что за свою карьеру наслышался и навидался всего – от покушений на глав государств до случая, когда одна женщина родила в такси сразу пятерых младенцев. Нужно было очень постараться, чтобы ошеломить его. Тем не менее сейчас он был довольно близок к этому состоянию. Из слышанного от людей, близких к городским властям, он знал, что Макки всякой ерундой заниматься не станет. Этот человек обладал способностью заставить считаться с собой даже весьма влиятельных лиц.

– Ого! И чего же он хочет? Поспорить с тобой насчет твоего последнего критического разбора новых кинофильмов?

На гладком лбу Кари пролегла еле заметная морщинка.

– Он ничего не сказал. Просто спросил, не смогу ли я завтра зайти к нему в прокуратуру.

– Ты меня окончательно заинтриговала. Может, он думает, что ты по-прежнему вертишься в городском совете? А вдруг у него есть для тебя что-нибудь вкусенькое!

Она недоверчиво покачала головой.

– Не думаю. Во всяком случае, по его тону этого не скажешь. К тому времени, когда он появился в Денвере, я уже не занималась городским правительством. Если он и знает меня по выпускам теленовостей, то в первую очередь как ведущую культурного раздела.

– А ты никогда прежде с ним не встречалась? Ведь это вполне возможно, учитывая, в каких кругах вы с Томасом встречались.

Однако она не могла припомнить ни одной встречи с Макки.

– Нет, я, во всяком случае, не помню. А что тебе известно о нем?

– Только то, что я читая или слышал. Парень не промах. Тщеславный. Проницательный. Способный. Ум острый как бритва. Сайлас Варне о нем очень высокого мнения, а этого старикашку, как ты знаешь, ублажить не так-то легко. Макки всегда был прокурором, за всю юридическую карьеру ему ни разу не доводилось выступать в роли защитника. Очень хочет стать окружным прокурором Денвера и скорее всего станет им после выборов.

– А что слышно насчет его личной жизни? – Репортерская жилка в Кари давала о себе знать в любых условиях. – Существует ли в природе миссис Макки?

– Такая мне неведома. Насколько я знаю, это очень занудный тип, для которого существуют только дела и никаких делишек. Может быть, именно поэтому ты никогда и не сталкивалась с ним ни на одном из великосветских раутов. – Пинки задумчиво пожевал сигарету. – И когда же вы с ним встречаетесь?

– Завтра в десять утра.

– Не забудь после рассказать.

Улыбнувшись, Кари повернулась на месте, чтобы возвратиться за свой стол.

– Хорошо, но на слишком многое не рассчитывай. Скорее всего ничего серьезного.

Так как же встретить ее – в костюме или просто в рубашке? Пожалуй, в рубашке свободнее и спокойнее. Лучше будет, если он в момент встречи предстанет перед ней в роли друга, которому можно всецело доверять. Но не оскорбит ли ее эта попытка влезть ей в душу?

Черт! Да какая, собственно, разница... Она оскорбится в любом случае. Так что пусть будет костюм, к тому же с жилеткой, чтобы выглядеть как можно официальное.

Надев пиджак, он открыл лежавшую перед ним на полированной поверхности стола коричневую папку. Бегло просмотрев несколько документов, он вполголоса выругался, помянув покойника не самым приличным словом. И чего только этой сволочи не хватало? Ведь все у него было – уважение общества, деньги, высокий пост... И она. К чему было рисковать всем этим? Или как раз в этом и заключалась особая сладость? Сладость каждодневного риска, ходьбы по краю пропасти... Во всяком случае, для Томаса Уинна с его банковским счетом наворованное вряд ли можно было назвать приличными деньгами. Так, мелочь на карманные расходы. Но тогда зачем?..

Зуммер селектора прервал его размышления.

– Мисс Стюарт в приемной.

– Хорошо, пусть войдет.

Ладони внезапно стали влажными. Он украдкой вытер их о брюки и торопливо встал из-за стола. Он, Хантер Макки, тот, кого считали человеком со стальными нервами и как огня боялись преступники всех мастей, чувствовал себя в эту минуту так, словно был сделан из фруктового желе.

Да что же это с ним творится? С какими только людьми ему не приходилось иметь дело! Отпетые убийцы орали ему в лицо, обещая разрезать на куски, едва выйдут из тюрьмы, куда отправлялись его заботами. Но перед любыми угрозами он оставался тверд и непреклонен. Теперь же, когда ему через секунду предстояло встретиться с хрупкой женщиной, которая казалась не опаснее бабочки, его внутренности сводила нервная судорога. Чего он так боялся?

Высокая дверь открылась. Она вошла. Солнечный луч, проникавший сквозь окно, упал на ее волосы, нежную кожу, светло-голубое платье, облегающее идеальную фигуру.

От волнения у него заняла поясница.

Итак, по меньшей мере одна загадка была разгадана. Глаза у нее оказались зеленого цвета. Две светлые зеленые поляны в окружении темного леса ресниц.

Прическа сегодня была совсем не та, что в день похорон. На сей раз непослушные локоны свободно лежали на ее плечах. Именно в таком виде она обычно появлялась в своей телепрограмме. Ее густые светлые волосы искрились тысячью оттенков – от самого бледного, почти белого, до насыщенного золота спелой ржи.

А цвет лица... Как описать ее лицо? Множество самых вычурных определений теснилось в его мозгу. Персиковый, кремовый, медовый... Ни одно из них не подходило в полной мере. Разве что представить себе сочетание всех этих нежных трнов – только тогда, пожалуй, и можно приблизиться к истине. Только не забыть при этом абрикосовый, легким налетом лежащий на ее щеках и губах. Неудивительно, что невольно хочется попробовать, так ли сладка она на вкус, как кажется.

Достаточно было одного взгляда на нее, представшую перед ним во плоти, чтобы понять наконец, что же именно все это время не давало ему покоя. Это беспокойство вселилось в него в тот самый день, когда он увидел Кари Стюарт-Уинн в телерепортаже о похоронах ее мужа. Один лишь взгляд – и его хваленая объективность в самоубийственном броске летит ко всем чертям в самую глубокую пропасть на свете.

– Мистер Макки?

Высокий, спортивного вида мужчина, кажется, наконец вышел из транса. После неловкого замешательства он шагнул ей навстречу.

– Спасибо, что пришли. Как мне вас называть – мисс Стюарт или миссий Уинн?

Она протянула ему руку.

– Не лучше ли просто Кари?

Ее ладонь утонула в теплой мужской руке. Его рукопожатие было приятным – достаточно крепкое, но не сокрушающее кости. Он задержал ее руку в своей чуть дольше, чем положено, внимательно изучая миловидное лицо посетительницы. Разжав наконец пальцы, прокурор, осторожно поддерживая Кари под локоть, подвел ее к стулу перед своим столом.

– Вам не слишком тут жарко?

– Нет.

– Может, тогда слишком холодно?

– Нет, – улыбнулась она. – Мне тут в самый раз.

Подобная чрезмерная обходительность не была ей в диковинку. С тех пор как погиб Томас, все старались ходить вокруг нее на цыпочках, и это уже начинало действовать ей на нервы. Операторы, отправляясь вместе с ней на съемки, вели себя в ее присутствии, как паиньки-племяннички, опасаящиеся расстроить свою тетушку – старую деву. Какую-нибудь неделю назад один из них, забывшись, начал было по старой привычке сквернословить, но, тут же спохватившись, униженно взмолился:

– Ты уж, ради бога, прости меня, Кари.

– Ну когда же, черт возьми, вы все перестанете со мной нянчиться! – закричала тогда она в отчаянии. – Когда поймете наконец, что и после смерти Томаса я все та же? Что я не заболела и умом не тронулась!

Кажется, помогло. Весть о вспышке ярости быстро распространилась по телестанции, и окружающие стали держаться с Кари намного естественнее. Старые узы товарищества мало-помалу восстанавливались.

И теперь подчеркнутая галантность Макки откровенно сместила ее. Подойдя к окну, он долго и старательно возился с жалюзи, так чтобы солнечный свет не бил ей в лицо.

– Кофе не желаете?

– Спасибо, нет.

– Воды со льдом?

– Нет. Поверьте, мистер Макки, я чувствую себя превосходно. Вот только любопытство гложет. Зачем я вам понадобилась?

Пропустив ее вопрос мимо ушей, он поделился с ней своим наблюдением:

– А вы, как бы это сказать... – Макки сделал неловкий жест рукой. – Более худенькая, чем кажетесь по телевизору.

И это замечание не вызвало у нее удивления. Ей уже не раз приходилось слышать подобное от других.

– Дело в том, что телекамеры полнят того, кто сидит перед ними. Человек на телеэкране выглядит килограммов на семь-восемь тяжелее, чем на самом деле, – терпеливо разъяснила Кари. – А вот вы оказались на удивление молоды. – Его брови удивленно поползли вверх. – Во всяком случае, для той должности, которую занимаете, – быстро добавила она. – Я ожидала увидеть кого-нибудь в более солидном возрасте.

– Вроде Сайласа?

– Да.

– А потому разочарованы?

– Нет, скорее удивлена. – Она слегка наклонила голову набок. – Скажите, откуда вы к нам пожаловали?

– До этого я служил в Сент-Луисе.

– Отчего же вы оттуда уехали?

– Неужели это так важно?

Она виновато улыбнулась.

– Видите ли, раньше по долгу репортерской службы мне приходилось интересоваться деятельностью городского правительства. Извините, что начала приставать к вам с вопросами. Просто при виде окружного прокурора во мне невольно проснулся старый журналистский инстинкт.

На его губах появилось некое подобие улыбки.

– Что ж, будем говорить начистоту. В Сент-Луисе на служебной лестнице я занимал одну из низших ступенек, а перспектив роста не было никаких.

Она понимающе кивнула:

– Остается только удивляться, почему мы не встречались раньше.

– А разве такая возможность существовала?

– Я частенько навещала в зал судебных заседаний. Мой покойный муж был членом городского совета.

– Знаю.

– Вы лично знали его?

– Встречались несколько раз.

Вернувшись за свой стол, он сел в рабочее кожаное кресло и надел очки. При этом лицо его нисколько не утратило своей привлекательности. У Кари не вызывало никаких сомнений то, что этот человек далеко пойдет, если решит остаться на стезе служения обществу. Хорошие внешние данные в таком деле не помеха. Скорее наоборот...

В нем было под два метра роста. Отлично скроенный пепельно-серый костюм не скрывал поджарого, мускулистого тела. Его движения были уверенны и изящны, волосы безупречно подстрижены, и все же в прокурорской прическе оставалось что-то от мальчишеской взъерошенности – именно то, что большинству женщин так нравится в мужчине. Его волосы были темно-каштановыми, отдельные пряди – с красноватым отливом.

Высокий лоб Хантера Макки говорил о недюжинном уме. Густые брови изгибались дугами над глазами, которые были ни серыми, ни зелеными, а какого-то другого, глубокого цвета, напоминающего старый мох на древесном стволе. Высокие скулы расходились в стороны от аристократического носа. Очертания губ отличались изяществом и совершенством, причем нижняя была чуть полновата, что должно было свидетельствовать о его чувственности. Рот был широк. Кари представила себе, как он улыбается. Воображаемая улыбка получилась весьма сексуальной.

Несколько секунд он молча смотрел на нее из-за своего стола, а потом тихо произнес:

– Весьма сожалею по поводу случившегося с вашим мужем.

– Благодарю вас. – «Неужели он вызвал меня лишь за этим? – удивилась она про себя. – Соболезнования мог бы выразить и по телефону».

Все то, что Макки говорил сейчас, за последние месяцы она слышала уже сотни раз, и все же за его словами скрывалось нечто необычное, какая-то напряженность. Внезапно ей пришло в голову, что он сожалеет не только по поводу гибели Томаса. Ей стало крайне неудобно под его пронзительным взором. Казалось, он внимательно следит за ее реакцией на каждое его слово.

– Я не раз наблюдал за вами по телевизору, – обронил он словно невзначай. Однако у нее сложилось впечатление, что эта реплика была тщательно продумана. Кари всерьез сомневалась, что мистер Макки хоть раз в жизни сказал то, что первым пришло ему в голову.

– Это все равно что сказать: «Я наблюдал за вашим ребенком». Ну и какова же ваша оценка того, что вы видели?

Макки застенчиво улыбнулся. Кари оказалась права: улыбающийся он был красив и чертовски сексуален. Насколько она могла припомнить, исполняющий обязанности прокурора до сих пор ходил в холостяках. Должно быть, не менее десятка молодых особ прекрасного пола мечтали исправить это упущение.

– Раньше я обычно выключал телевизор сразу же после основных новостей. – Отведя глаза в сторону, он без видимой причины выдвинул и задвинул обратно верхний ящик письменного стола. – Но в последнее время стал специально смотреть ваш раздел – новости культуры. Сюжеты бесподобны. Отличная работа.

– Спасибо, – сдержанно кивнула она, в то же время широко улыбнувшись.

– Ваши слова всегда бьют точно в цель, ну а сами вы... очень красивы. – Последние слова были произнесены очень тихо, после почти незаметной паузы.

Кари почувствовала, как дробно, будто выбивая чечетку, застучало в ее груди сердце. Такого с ней прежде никогда не бывало. Сладкое возбуждение, просочившись сквозь искусственную плотину опасений и сдержанности, затопило ее душу. От этого странного ощущения у нее что-то словно ворохнулось внутри, и она едва удержалась от того, чтобы прижать к животу ладонь. Может, ребенок зашевелился? Нет, еще слишком рано. Что же тогда? Уж не хочет ли она признаться себе в том, что отреагировала на комплимент мистера Макки, как впечатлительная школьница на похвалу любимого учителя?

– В таком случае вам незачем было вызывать меня к себе. Достаточно было просто написать письмо-признание, как делают все уважающие себя поклонники. – Она попыталась невозмутимо улыбнуться, но губы ее предательски задрожали.

– Да, я ваш поклонник и не мог не сказать вам об этом. – Его брови сосредоточенно сошлись у переносицы. – Но, к сожалению, я вызвал вас не для этого.

– Я так и поняла. Если речь идет о каком-то материале для программы новостей, то вам следовало позвонить нашему шефу отдела редакционных заданий. А он бы в свою очередь направил...

– Нет, речь не о репортерском материале. Во всяком случае, пока. Но, думаю, уже сегодня пресса будет оповещена об этом деле.

Положив ногу на ногу, Кари нетерпеливо заерзала на стуле. Интересно, когда же он наконец перейдет к сути?

– Отчего бы вам не сказать мне, о каком деле речь, мистер Макки?

– Оно касается вашего покойного мужа, – заявил он, теперь уже без обиняков.

Это сразу же охладило ее нетерпение. Недоуменно моргая, она смотрела, как Хантер Макки открывает лежащую перед ним папку. Движения его были методичны, в каждом из них сквозила официальность. Отныне в нем не было даже намека на радушного хозяина или восхищенного поклонника – перед ней сидел «слуга народа», которому предстояло выполнить не самую приятную обязанность.

– Томаса? При чем тут Томас?

Исполняющий обязанности прокурора набрал полные легкие воздуха. Было видно, что ему не очень легко говорить.

– На протяжении нескольких месяцев наша прокуратура ведет следствие по делу об исчезновении очень крупных денежных сумм. Эти фонды поступали в распоряжение городского совета, однако куда они делись, точно до сих пор не может сказать никто, хотя в финансовых отчетах баланс сходится до последнего цента. Но это только на бумаге. На самом же деле несколько важных городских проектов так и не получили ни цента из причитавшихся им денег.

– Не понимаю, какое отношение...

– Прошу вас, выслушайте меня, – мягко прервал ее Макки, подняв над столом ладони. – Эти фонды использовались не по назначению. В наших руках накопилось достаточно свидетельств, чтобы вынести это дело на рассмотрение большого жюри присяжных. Сегодня во второй половине дня по обвинению в мошенничестве и незаконном присвоении средств из городской казны будут арестованы два члена городского совета. И прежде чем это дело станет достоянием гласности, я хотел бы поговорить с вами.

Она облизнула пересохшие губы.

– Почему?

Взгляд его глаз был беспощаден.

– Потому что, насколько можно судить, одним из участников этой неприглядной истории был Томас Уинн.

На какое-то время она оцепенела. Хантер Макки тоже оставался неподвижен. Воцарилось гнетущее молчание. Откуда-то издали доносились телефонные звонки и стрекот пишущей машинки.

Внезапно сорвавшись с места, Кари опрометью бросилась к двери. Хантер проворно выскочил из-за стола и успел догнать ее как раз в тот момент, когда она уже была готова выбежать в коридор. Его сильные сухие пальцы впились в ее предплечье.

– Прошу прощения, Кари...

– Для вас я миссис Уинн, – злобно прошипела она, – и уберите от меня свои руки!

– Я хотел бы объяснить вам...

– Я не нуждаюсь в ваших объяснениях! – В глазах у нее потемнело от гнева, лицо горело. – Томас работал на благо этого города уже в то время, когда вы только заканчивали свой юридический колледж. Он был кристально честен как бизнесмен и безупречен как должностное лицо. Он никогда не стал бы... – Она на секунду замолчала, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. – Ваши обвинения гроша ломаного не стоят, что и выяснится в самом скором будущем. А сейчас выпустите меня отсюда!

Кари вырвалась из его пальцев, однако его растопыренная пятерня по-прежнему загоразживала ей выход. Решительно вытянутая рука Хантера Макки была похожа на шлагбаум, а сам он – на крепкое дерево, своротить которое было не под силу даже урагану. И если бы она пошла напролом, он ни за что не выпустил бы ее. Поняв это, она, кипя от бешенства, подняла на него взгляд.

– Сядьте, – мягко приказал он. – Мне нужно задать вам всего несколько вопросов. Если хотите, можете пригласить сюда своего адвоката.

Кари вызывающе вздернула подбородок.

– Это лишнее. Мне нечего скрывать от вас. И Томасу тоже.

– Тогда не считите за труд отвечать мне, – произнес Макки ровным голосом.

Она была загнана в угол, и единственным для нее способом «спасти лицо» оставалось изобразить полнейшую непробиваемость.

– Итак, о чем бы вам хотелось знать? – Она заставила себя принять более непринужденную позу, но ее ненависть к этому человеку не ослабевала.

– Присаживайтесь, прошу вас. – Хантер Макки вновь был сама предупредительность и благовоспитанность. Он взял ее под локоть, но Кари опять резко отдернула руку. Она сама подошла к стулу и напряженно села на край.

Он же вернулся за свой стол и снова зашуршал бумагами в папке.

– Мистер Уинн бывал когда-нибудь в Сан-Франциско?

– Не помню, – отрезала она.

Его брови опустились, и глаза пристально посмотрели сквозь поблескивающие стекла очков. Кари впервые почувствовала, как в ее душу вползает страх. Этот человек явно не намерен был с ней шутить.

– Так бывал или нет? – повторил он вопрос.

Она нервно сглотнула.

– Да. Время от времени.

– Насколько часто?

– Трудно сказать.

В нее опять уперся недоверчивый взгляд.

– Почему трудно?

– Часто – понятие растяжимое! – выкрикнула она. Однако, судя по бесстрастному выражению его лица, он по-прежнему не был удовлетворен ее ответами. А потому, прерывисто вздохнув, Кари уточнила: – Он ездил в Сан-Франциско довольно часто.

– Вы можете назвать конкретные даты?

– Конечно, нет! У Томаса было великое множество дел, и я не была в курсе каждого из них.

– А вообще он много путешествовал?

Она в отчаянии развела руками.

– Наверное, да. А вообще-то не знаю. Он уезжал два-три раза в месяц. Как по-вашему, много это или мало?

Оставив ее реплику без внимания, он продолжил дознание:

– И куда же он ездил – в Сан-Франциско, Новый Орлеан, Нью-Йорк, в Пуэрто-Рико?

– Думаю, что да. Может быть. Говорю же вам, я не вела учет его деловых поездок.

– Значит, вы никогда не знали, куда направляется ваш муж, когда он уезжал из города?

Ее губы сжались от злобы в тонкую линию, глаза яростно сверкнули.

– Отчего же? Знала! Он звонил мне каждый вечер, когда был в отъезде.

Ей показалось, что Макки пробормотал что-то в высшей мере оскорбительное, но она не расслышала, что именно. Он опять ожесточенно рылся в своих бумагах.

– Вы имеете хотя бы приблизительное представление о том, каков был годовой доход вашего мужа?

– Нет.

Его голова поднялась от бумаг.

– Ни малейшего представления?

– Я знаю лишь то, что мы ни в чем не нуждались. Мы жили вполне обеспеченно. Но у меня был отдельный банковский счет.

– ... На котором лежали деньги, которые он вам давал?

– Нет, деньги, которые я зарабатываю сама, – злобно выпалила она. – У вас есть еще вопросы, мистер Макки?

– Пока нет. Во всяком случае, к вам. Мне всего лишь хотелось выяснить, являлись ли вы сообщницей вашего мужа в его махинациях.

Она вскочила со стула как ужаленная, кровь бросилась ей в лицо.

– За Томасом нет никаких махинаций. Слышите? Нет!

Хантер тоже встал и, опершись руками на стол, посмотрел ей прямо в глаза.

– У меня есть неопровержимые документальные доказательства. И хотите вы этого или нет, для тех двоих я добьюсь обвинения, чего бы это мне ни стоило. Хотя не скрою, ваша помощь могла бы оказаться в этом деле очень ценной. И если бы вы припомнили имена, даты...

– Подите вы к черту! – крикнула она ему в лицо и, повернувшись на месте, устремилась к двери.

Он поспешил следом за Кари, на сей раз успев опередить ее и вклиниться между нею и дверью. Казалось, она того и гляди задымится от бешенства. Да как у этого прокуроришки язык повернулся обвинить Томаса Уинна, святого человека, в таком чудовищном злодеянии, как растрата общественных денег!

– Позвольте мне вызвать судебного исполнителя, чтобы вы прямо здесь могли засвидетельствовать свои показания под присягой, – произнес он. – Если все обстоит именно так, как вы утверждаете, и вы ничего не знаете, то... Что ж, будем считать, что это действительно так.

– Я не хочу иметь никакого отношения к этому нечистоплотному расследованию, мистер Макки.

– Будучи вдовой мистера Уинна, вы, независимо от вашего желания, уже имеете к нему отношение.

– По закону жену нельзя заставить свидетельствовать против мужа.

– Под суд отдадут не вашего мужа, а его сообщников. Расскажите мне все, что вам известно, и я больше не побеспокою вас.

– Я ничего не знаю.

– Заявите это под присягой. И все же я не советовал бы вам торопиться. Ведь вы, даже сами того не подозревая, можете знать об очень многом. Постарайтесь вспомнить, ну скажем, какие-то отрывочные факты, мелкие детали, которые сейчас, возможно, кажутся вам незначительными. Разрешите мне задать вам еще несколько вопросов по существу этого дела.

– Зря стараетесь! Разговор окончен, я ухожу. – Кари попыталась нащупать дверную ручку.

Однако Хантер Макки перехватил ее ладонь и совершенно неожиданно прижал ж своей груди.

– В таком случае я буду вынужден вызвать вас повесткой. Вам придется давать показания в суде.

– О, я абсолютно уверена, что вы неукоснительно выполните свой служебный долг, мистер Макки. – Она попыталась высвободить свою кисть из его пальцев, но безуспешно.

– Поймите, я не хочу заставлять вас страдать!

Забывшись, они оба поначалу пытались перекричать друг друга. Однако его последняя фраза заставила Кари удивленно вскинуть голову. Она ошеломленно уставилась на него. Его слова прозвучали с необычайной искренностью, поэтому она не могла не прореагировать на них. Их мягкая убедительность подействовала на нее гораздо сильнее, чем злобный крик.

Он наклонился к ней еще ниже. Его очки остались лежать на краю стола, и глаза, которыми Макки смотрел на нее сейчас, показались ей поразительно темными. Лицо его по-прежнему выражало твердость и решимость, но в то же время...

Сочувствие? Она покачала головой. Нет, не сочувствие. Это было совершенно невозможно. Разве может он ей сочувствовать, пытаясь одновременно опорочить имя Томаса? Ведь это все равно что нанести личное оскорбление ей, Кари Стюарт.

Постаравшись взять себя в руки, она проговорила ровным голосом:

– Не беспокойтесь, мистер Макки, я хорошо знаю, что такое страдание. Знаю, что чувствуешь, когда тебя вызывают в морг на опознание трупа. Знаю, что такое смотреть на холодное тело, узнавая в жертве нелепого дорожного происшествия собственного мужа. А вы не знаете... Не знаете, какой это был человек, но все равно пытаетесь... О господи! – Голос ее сорвался, и глаза защипало от слез. – Да выпустите же меня наконец!

Она не хотела плакать. Ни перед кем. Уж, во всяком случае, не перед ним. Однако несмотря на это, слезы боли и гнева мгновенно наполнили ее глаза. Кари наклонила голову, чтобы скрыть их.

Нет, это было выше его сил. Он заранее знал, что ему предстоит нелегкая миссия. Но увидеть себя в роли опереточного злодея... Ну почему именно ему выпало измываться над бедной женщиной, которая и без того уже достаточно выстрадала? И выглядела такой беззащитной, такой одинокой...

Чертов Уинн! Надо же быть таким скользким сукиным сыном – дал дуба, и взятки с него гладки. Наломал дров и испарился! А расхлебывать теперь ей! Будь этот проныра сейчас жив, Хантер, наверное, был бы к нему чуть более снисходителен. Теперь же, глядя на светлый нимб волос вокруг прекрасной головки молодой вдовы, прокурор ненавидел ее презренного покойного супруга всей своей прокурорской душой.

Его пальцы, державшие тонкое запястье Кари, побелели от напряжения. Опомнившись, Хантер Макки ослабил хватку, но руки ее не выпустил. Почувствовав свободу, женские тонкие пальчики, сжатые в крохотный кулачок, тоже расслабились. Эта изящная ладошка словно заморозила его. Больше всего на свете ему хотелось прижать ее к своим губам и держать так до тех пор, пока сердце его не забьется наконец спокойно и умиротворенно. Он мысленно представил себе, как разгибаются эти тонкие пальчики, как его губы прикасаются к белому запястью, скользят вверх...

Не вполне сознавая, что делает, Хантер поднял свободную руку и украдкой поймал пальцами непослушный светлый локон. На ощупь ее волосы оказались именно такими, какими он их себе представлял, – мягкими, шелковистыми. Ему захотелось взять эту гриву в охапку и зарыться в нее лицом, чтобы губами ощутить их восхитительную мягкость и шелковистость.

Однако, пересилив себя, он опустил руку. Кари, кажется, даже не заметила этого мимолетного прикосновения. А если бы заметила, то, наверное, содрогнулась бы от омерзения. На этот счет у него не было никаких сомнений. Каким бы мерзавцем ни был ее муж при жизни, для нее он все равно оставался святым.

И ему, Хантеру Макки, уготовано судьбой низвергнуть этого идола с пьедестала. Хорошо, он откроет ей глаза. Но сам-то кем в ее глазах предстанет? Участь гонца, приносящего дурные вести, общеизвестна.

– Я не хотел заставлять вас страдать. – У него не было ни малейшего намерения повторять эти слова, тем более с таким сокрушенным видом и таким проникновенным шепотом, да к тому же слегка поглаживая большим пальцем внутреннюю сторону ее запястья.

Тем не менее шепот его был услышан, и Кари снова посмотрела ему в лицо. Яростный взгляд ее зеленых глаз был красноречивее самых гневных слов.

– До свидания, мистер Макки, – холодно произнесла она и резко выдернула руку. На сей раз ему не оставалось ничего иного, как отпустить ее.

Сжав губы в жесткую линию, он отступил в сторону и распахнул перед ней дверь. Откинув назад волосы и гордо расправив плечи, Кари прошествовала мимо.

Хантер вышел в коридор и проводил ее взглядом.

Даже если бы высшие силы даровали прокурору возможность самому создать женщину его мечты, ему вряд ли удалось бы придумать что-либо более совершенное. Ее сложение представлялось просто идеальным. Она была совсем тоненькой и в то же время на редкость женственной. Округлые ягодицы упруго ходили под юбкой, груди заметно поднимали лиф платья. О да, он заметил их, а заметив, не мог оторвать от них глаз, молчаливо проклиная себя за распутные мысли. Эти запретные мысли беспощадно терзали его разум, словно нечистый заставлял его думать о формах, цвете, упругости и вкусе ее тела.

Туфли на шпильках и шелковые чулки делали ее длинные ноги просто бесподобными. От них можно было запросто сойти с ума. О чем он только что думал? Ах, да, о чулках. Хантер точно помнил, что они были шелковыми. Он мог почти наяву ощутить гладкое тепло этих обтянутых шелком ног – стоило только чуть-чуть напрячь воображение. Изящные изгибы божественных икр и бедер словно сами просились в его руки.

А ее волосы! А ее лицо, волшебным образом изменяющееся каждое мгновение! Разве можно найти на свете еще хоть одно женское лицо, такое же очаровательное, как это? А ее запах! Ее глаза! Ее рот! Господи!.. «А вот про рот – это уже лишнее», – попробовал мысленно обуздать себя Хантер, едва не теряя сознания от нестерпимого желания.

Дождавшись, когда она завернет за угол коридора, исполняющий обязанности окружного прокурора закрыл дверь кабинета и вернулся за свой стол.

– Разрази меня гром, – сокрушенно вздохнул он и, обессиленно рухнув в кресло, в отчаянии запустил пятерню в волосы.

Прошло всего три месяца, с тех пор как Кари Стюарт овдовела. Но даже если бы этот срок составлял сейчас три года, она с не меньшей силой возненавидела бы Хантера Макки за то, как он по долгу службы вынужден был поступить с репутацией ее мужа. Для нее это было не чем иным, как надругательством над памятью покойного. Самого дорогого ей человека.

Все это понятно. Одно лишь неясно – как заглушить в себе желание, сильнее которого Хантер не испытывал еще ни разу в жизни? Он не виноват в том, что стал пленником этого чувства, что выбрал ее в толпе женщин. В сложившейся ситуации сознательный выбор был просто абсурдом. Следуя логике, он должен был сторониться этой женщины как огня. Он вовсе не желал влюбляться в нее. Так уж получилось. И что же, черт возьми, ему теперь делать?

Это было просто безумием, редчайшим случаем помешательства, которого не отыщешь ни в одном учебнике психиатрии, самоубийством, наконец, – политическим и профессиональным. И все же подобно лунатику он пошел по этому гибельному пути.

Он полюбил врага своего.

Глава 3

Когда Кари Стюарт вернулась на работу, главная редакция гудела как потревоженный улей. В воздухе витал запах сенсации, и она догадывалась, какой именно. Все сотрудники разбились на шушукующиеся кучки. Стоило ей приблизиться к какой-нибудь из них, шушуканье немедленно затихало. Она шла, ловя на себе любопытные вороватые взгляды. Всем все уже было известно.

Войдя в свой «загончик», Кари как ни в чем не бывало принялась за работу. «Пусть болтают, – подумала она. – Для них чесать языки – дело привычное». Хантер Макки, как видно, готов был землю рыть, лишь бы заручиться общественной поддержкой. А добьется только того, что выставит себя перед всем светом круглым идиотом. Подумать только, обвинить Томаса Уинна в разворовывании городских финансов! Не мог ничего умнее придумать... Да его все на смех поднимут. Потому что все его мелкие обвинения достойны только одного – презрения. Такого же, которое испытывает к нему она.

– Привет, детка.

Кари с готовностью улыбнулась. Правда, улыбка получилась немного вымученной.

– Привет.

Пинки оглянулся через плечо. В помещении, похожем на пчелиные соты, конфиденциальный разговор зачастую очень скоро становился всеобщим достоянием.

– Вот и выяснилось, почему Макки приспичило с тобою встретиться.

Ее изящный подбородок гордо взметнулся вверх.

– Похоже на то.

– Об этом только сейчас стало известно. Паркера арестовали дома, Хейнса взяли на площадке для игры в гольф. Это, конечно, ненадолго. Думаю, уже через несколько минут они будут отпущены под залог. Но я им все равно не завидую. Н-да, не лучшие времена наступают для городского правительства. – Он сочувственно опустил ладонь на ее плечо. – Да и для тебя тоже.

– Но почему? – вскинулась она. – Даже если кто-то там и прокручивал какие-то аферы, Томас в любом случае не имеет к ним никакого отношения.

– Это тебе Макки сказал? То, что Томас непричастен?

Водянистые глаза Пинки вполне соответствовали его белесому облику. Они были бледно-голубыми, почти прозрачными. И все же их взгляд подчас мог быть тверже стали. Таким, каким был сейчас. Она смущенно посмотрела в сторону.

– Нет. Он думает, что Томас тоже замешан. Но этот парень просто идиот.

– Может, и идиот, но согласись, в его идиотизме есть нечто рыцарское. Я еще не встречал бюрократа, который заранее предупреждал бы родственников подозреваемого, что для их семейства вскоре запахнет жареным.

– Это вовсе не было предупреждением. Он просто желал вытянуть из меня нужную ему информацию. – Кари встала и начала мерить шагами тесный «загончик», в котором едва хватало места для ее стола и стула. – Думал, что я помогу ему с выдвижением обвинений против других. Ты можешь себе это представить? Каков наглец! Предлагал судебного исполнителя пригласить, чтобы тот зафиксировал мои показания. Не хотел, видите ли, специально вызывать меня повесткой.

Закурив сигарету, Пинки потушил спичку, помахав ею в воздухе, и не глядя швырнул в корзину для мусора. Он не сводил глаз с лица Кари.

– Вот видишь, он готов был сделать тебе одолжение.

– Черта с два, – желчно огрызнулась она. – Скорее всего надеялся, что размякшая вдовушка быстренько расколется и выложит обаяшке-прокурору все мрачные секреты покойного

мужа. Одного только не понимает: не было у Томаса секретов – ни мрачных, никаких других. Вскоре он в этом убедится и, таким образом, выставит себя полным дураком.

– А ты в этом уверена?

– В том, что у него будет дурацкий вид?

– Нет. В том, что у Томаса не было никаких секретов, – спокойно проговорил Пинки.

Кари крутанулась на месте, готовая к схватке. Несколько секунд она вызывающе глядела на начальника, ожидая услышать от него более конкретные доводы. Но тот только отвел глаза. Кари раздраженно плюхнулась на свой стул и повернулась к нему спиной.

– Прости, милая. У всех у нас тут ум за разум заходит. Просто в голове не умещается, как такое возможно. Жаль, что вся эта хреновина приключилась с тобой как раз в тот момент, когда ты... – Он положил руки ей на плечи и слегка помассировал их.

Ее мышцы были напряжены, словно их свело судорогой. Только-только Кари начала приходить в себя, и вот вам, пожалуйста! Пинки не знал, кого придушил бы первым: Уинна – за все его финансовые художества, или Макки – за то, что он хочет взвалить на хрупкие вдовьи плечи ответственность за чужие грехи.

– Послушай, а почему бы тебе не поехать домой? – нашелся наконец директор отдела новостей. – А твой раздел сегодня вечером заполним каким-нибудь репортажем «о жизни простых людей».

– Ни за что в жизни, – твердо произнесла она и резко встала, сбросив его руки со своих плеч. Ее глаза яростно сверкнули. – Я не хочу доставлять мистеру Макки удовольствие думать, что ему удалось запугать меня. Сегодня вечером, включив свой телевизор, он увидит мое улыбающееся лицо. Я буду не просто улыбаться – я буду вся светиться от радости. Я ни в чем не виновата, и Томас тоже. А если мистер Макки надеялся, что я забьюсь в щель, будто чувствую за собой какую-то вину, то придется ему в этом разувериться!

Кари пыталась убедить себя в том, что все неприятности уйдут сами по себе, если она станет продолжать жить так, будто ничего не случилось, и выкинет все мрачные мысли из головы. Однако она явно недооценила масштабов скандала, который, не успев разгореться в полную силу, уже потряс основы городского самоуправления. Вышедшая в тот же вечер «Денвер пост» поместила обстоятельнейшую статью, в которой называлась примерная цифра украденных денег. Был назван и источник, откуда появились эти данные: окружная прокуратура.

По всей видимости, Пинки запретил своим репортерам приставать к ней с расспросами. Но прочая пишущая и говорящая братия подобными запретами стеснена не была. Стоило ей выйти из здания телестанции, как на нее налетела шайка ретивых представителей различных изданий и других телеканалов. Кари держала рот на замке, молча расчищая путь к своей машине. Гнев и страх боролись в ее душе. Держа руль, она заметила, как дрожат ее руки. Сердце в груди бухало, как паровой молот.

Быстро поднявшись в свою квартиру, Кари неимоверным усилием воли заставила себя успокоиться. Нет, так никуда не годится. Ведь излишние волнения могут повредить ее ребенку. Тише, тише, вот так... Главное, без паники. Она должна проявить выдержку, стиснуть зубы и ждать. Ждать, пока улягутся страсти. Тем более терпеть придется не так уж долго – несколько дней от силы.

Еще одна иллюзия. Кари недооценила усердие мистера Макки. Подробности скандала пошли гулять по первым полосам ежедневных газет. А чтобы огонь, не дай бог, не затух, в него прилежно подливали масло программы новостей всех без исключения телеканалов. Макки добился-таки от большого жюри присяжных выдвижения обвинений против Паркера и Хейнса. Была назначена дата процесса.

В считанные дни Хантер Макки превратился в городскую знаменитость. Глядя на его самодовольную физиономию на экране телевизора, читая в газетах его бесконечные интервью, Кари все больше и больше ненавидела этого человека. Для нее он был не человеком даже, а

просто чинушей – окружным прокурором, готовым на все ради достижения своей маниакальной цели. И цель эта заключалась в том, чтобы вывалить честное имя Томаса в грязь. Перед ней был враг, который при необходимости без колебаний раздавит ее саму и поставит под угрозу будущее ее ребенка.

Демонстрируя выдержку, достойную античного героя, Кари каждое утро вставала, приводила себя в порядок и отправлялась на телестудию, ни в чем не отступая от обычного распорядка дня. Уходя с головой в работу, ей удавалось хотя бы на время полностью отвлечься от гнетущих мыслей. Ночью же она беспокойно металась в кровати, пытаясь придумать, как защитить имя Томаса от грязных прокурорских лап.

Ею владела непоколебимая уверенность в том, что если ее покойный муж и причастен к этому делу, то только косвенно. Так есть ли в ее распоряжении хоть что-нибудь, что могло бы послужить его оправданию? Досье, письмо, записка? А может, она поднапряжется и вспомнит какой-то факт, который станет неопровержимым доказательством его невиновности?

Только бы нашлись эти свидетельства! Неужели память не в силах оказать ей эту услугу, которая сейчас ей так нужна? Господи, лишь бы получилось, и тогда она с радостью отбросила бы в сторону все свои обиды и отправилась напрямиком к Макки. Эта мысль придавала ей силы, и Кари с утроенной энергией принималась за поиски, которые, к сожалению, оставались бесплодными. Отчаяние в душе росло.

Напряжение последних дней начинало сказываться. Оставалось лишь надеяться, что ее крайняя измотанность не проявляется внешне. Что же касалось беременности, то тут особого повода для тревог не было. Живот еще не скоро выдаст ее. Во всяком случае, к тому времени она уже успеет решить все свои нынешние проблемы. Тогда и можно будет объявить всем, что она ждет ребенка. А пока что Кари оставалась тощей, как щепка.

Пинки отыскал ее в небольшой гримерной, примыкавшей к той студии, где Кари обычно записывала сюжеты для своего раздела программы. В данный момент она, не жалея пудры, забеливала темные круги под глазами. Выглянув из-за плеча Кари, Пинки уставился в большое театральное зеркало, внимательно изучая в нем отражение ее лица.

– Послушай, почему бы тебе не передохнуть немного от передач? С тех пор как поднялась эта шумиха, ты живешь, будто в камере пыток.

– Я в полном порядке. – Она деловито пригладила волосы щеткой и, подумав немного, наложила еще один слой пудры на пепельно-серые щеки.

– Нет, Кари, не в порядке. – Терпение Пинки лопнуло. – Далеко нет! Да ты сама на себя посмотри – краше в гроб кладут! Только заезженных кляч мне тут не хватало. В общем, бери несколько дней отпуска и отдыхай. Хватит с меня твоего геройства!

Пропустив его тираду мимо ушей, Кари встала и взяла со стола листки с текстом.

– Меня ждут в студии.

Пинки схватил ее за руку, когда она направилась к выходу мимо него. При виде его глаз, которые смотрели на нее с неподдельной тревогой, в душе у Кари что-то дрогнуло, и она в порыве признательности тихонько погладила верного друга по пухлой щеке.

– Все травят меня, Пинки. Окружной прокурор, пресса... Уже несколько дней у меня такое чувство, словно за мной по пятам несетя свора борзых. Хоть ты меня не трогай. – Она поцеловала его в лысеющий лоб и вышла из гримерной.

Когда дверь за ней закрылась, Пинки разразился потоком цветистых ругательств. Он искренне восхищался ее мужеством. А вот со здравым смыслом у нее было явно плоховато.

Телефон в квартире зазвонил как раз в тот момент, когда Кари вставляла ключ в замок входной двери. Вбежав внутрь, она торопливо схватила трубку.

– Алло... – произнесла Кари, задыхаясь от спешки.

– Мисс Стюарт?

Этот голос невозможно было спутать ни с каким другим.

– Да, – холодно ответила она.

– Говорит Хантер Макки.

«Еще бы мне не узнать тебя!» – захотелось ей злобно завопить в трубку. Вместо этого она просто промолчала.

– Как поживаете?

Она невольно заскрежетала зубами.

– Разве это имеет для вас хоть какое-то значение?

– Вы мне не поверите, но это действительно имеет для меня большое значение.

– Вы правы, мистер Макки, я не верю вам. Если бы мое благосостояние заботило вас хоть в малейшей степени, то вы не развязали бы этой кампании по очернительству имени моего покойного мужа.

– Это не кампания. Я всего лишь выполняю свои служебные обязанности.

– Обязанности палача. Которому не терпится растерзать в клочья репутацию Томаса.

Словно не замечая ее колкостей, он продолжил:

– Начиная расследование, я вовсе не стремился запятнать чью-либо репутацию, и уж тем более репутацию вашего покойного мужа.

– По заголовкам газетных статей этого не скажешь.

– Значит, вы неправильно интерпретируете заголовки.

Она коротко хохотнула:

– Неужели? Да ваше имя уже повторяют на каждом углу, а вам все мало. Вы хотите использовать этот процесс для того, чтобы привлечь к себе внимание публики. Неужели у вас язык повернется отрицать это? Разве есть более надежный способ завоевать голоса избирателей, чем изобличение шайки вороватых бюрократов, которые набивали карманы долларами, политыми кровью и потом рядовых налогоплательщиков? Вам одно надо – чтобы пост окружного прокурора навсегда остался за вами, или я ошибаюсь?

– Не стану отрицать, я хочу, чтобы эта должность стала моей.

– И чтобы завоевать ее, вы готовы принести в жертву ни в чем не повинного человека. – Ей было трудно дышать. В одной руке она крепко держала телефонную трубку, другая была сжата в кулак.

– Но если вы так убеждены в невиновности Уинна, то почему же не хотите замолвить за него слово? Почему не хотите помочь мне? Помните, я предлагал вам сделать это еще несколько недель назад.

– Я не могу помочь вам. И сказала вам об этом тоже несколько недель назад.

– Значит, не можете? – мягко переспросил Макки.

Что-то в его тоне внушало ей опасения.

– Что вы имеете в виду?

– Скажите, в вашем распоряжении есть какие-нибудь документы, записи, которые вел ваш муж и которые могли бы сейчас пролить свет на это дело? Доказать его невиновность?

Устало опустившись на ближайший стул, она потерла лоб. Вот, значит, в чем дело? Прокурор уверен, что она скрывает от следствия какие-то важные улики. А не сказать ли сейчас, что она давно уже представила бы ему любые свидетельства, если бы ей удалось найти хоть что-то? Хотя нет, ей вовсе нет нужды говорить ему, что она занималась подобными поисками. Ведь это было бы равнозначно признанию того, что она допускает возможность виновности Томаса, разве не так? Пришлось напрячь волю, чтобы стряхнуть с себя смертельную усталость. Она не желала видеть в себе даже намек на слабость.

– Скажите прямо, вы хотите, чтобы я разрешила вам порыться в личных вещах Томаса?

На другом конце провода послышался раздраженный вздох, за которым последовало отрывисто:

– Я бы не стал это так называть.

– Но вы ведь именно этого хотите?

– Ну что-то вроде этого. Да.

– Увы, придется снова огорчить вас. Ничем не могу вам помочь, мистер Макки. Переезжая сюда, я взяла с собой лишь несколько вещей, которые имеют для меня особую ценность. Все, что ему принадлежало, осталось в его доме и находится в распоряжении его детей.

– С теми вещами я уже разобрался, заметьте, в присутствии адвоката мистера Уинна. Однако ничего противозаконного не нашел.

– Вот вам и ответ на ваши обвинения! – воскликнула Кари.

– Но и ничего, что могло бы его оправдать, там не было, – твердо добавил Макки. – Вы не хуже моего знаете, что человек со столь разносторонними интересами, как у вашего покойного мужа, обычно ведет двойную бухгалтерию. Вот я и спрашиваю: у вас есть его записи, мисс Стюарт?

– Нет! – выкрикнула она. И это было сущей правдой. Потому что Томас никогда ничего не записывал: ни телефонных номеров, ни адресов, ни поручений, которые предстояло раздать подчиненным, ни вещей, которые нужно упаковать перед поездкой. Ничего. Всю информацию он держал в голове.

Устав от многозначительных намеков, Кари спросила:

– Вы в самом деле думаете, что я намеренно что-то от вас утаиваю? Или как вы это там называете...

– Препятствование отправлению правосудия.

– Так вы полагаете, мне можно предъявить подобное обвинение?

– А сами вы как думаете?

– Думаю, что нет.

– И готовы присягнуть в этом?

– Да.

После долгого молчания в трубке раздался тяжелый вздох.

– В таком случае, мисс Стюарт, именно это вам и остается сделать. Видит бог, я пытался избавить вас от необходимости появляться в суде, но вы вынуждаете меня вызвать вас в качестве свидетельницы.

– Мне нечего скрывать.

Она молила господу, чтобы Макки поскорее положил трубку. Напряженность их молчания была почти осязаема. Все было сказано, и добавить к этому было нечего. Но он, продолжая дышать в трубку, как бы давал понять, что можно было бы еще многое сказать. Наконец, пробормотав что-то неразборчивое вроде «доброй ночи», прокурор положил трубку.

Она сделала то же самое. Этот несложный, казалось, разговор лишил ее сил. Кари попыталась встать. Именно тогда и случился первый спазм.

Сидя в обнимку с бутылкой скотча, Пинки смотрел по телевизору древний фильм с Джоном Уэйном,⁶ когда раздался телефонный звонок.

– Да?

– Пинки... – Женский голос был очень слаб, но он сразу же узнал его, а потому поспешно спустил ноги в полосатых носках с края журнального столика. Нечаянно зацепленная глубокая тарелка с картофельными чипсами полетела на пол.

– Кари? Что с тобой? – Ему не было нужды спрашивать, все ли с ней в порядке. Что-то определенно было не так. Оставалось только выяснить, что именно.

– У меня кровотечение... – Ее голос то и дело срывался. – Кажется, я теряю ребенка.

⁶ Известный американский киноактер, снимавшийся в вестернах.

– Ребенка?! – остолбенел он. Однако в следующий момент из его уст полился поток богохульств. – Подожди, я мигом...

Через двадцать минут Пинки был уже у нее. Вместе с ним была Бонни, не успевшая вытащить из волос розовые пластмассовые бигуди. Он выхватил свою верную помощницу из дому по пути к микрорайону, где жила Кари. Она встретила их на пороге дома, держась дрожащей рукой за дверной косяк. Ее глаза были красны от слез.

– Спасибо, что приехали, – произнесла Кари. Нелепее того, что она сказала, трудно было придумать. – Я вызвала врача. Он говорит, что мне нужно в больницу... Просто, чтобы удостовериться. – Она упала в объятия Бонни, и плечи ее заходили ходуном от бурных рыданий. – Ребенок... Я потеряла его. Ребенка Томаса. О боже! Его больше нет! Моего ребенка. Моего ребеночка...

– Еще супчику?

Кари слабо улыбнулась.

– Нет, спасибо. Было очень вкусно, но я наелась. Уже и не помню, когда меня в последний раз угощали домашней куриной лапшой.

Бонни убрала поднос с колен Кари и успокаивающе потрепала ее по плечу.

– Может, еще чего хочешь? Кока-колы? Сока? Доктор сказал, что тебе нужно есть побольше сладкого.

– Нет-нет, ничего больше не надо. Спасибо. Вы оба так добры ко мне. Даже не знаю, что и делала бы без вас. Сперва несчастье с Томасом. Потом скандал. И вот теперь это... – Ее голос осекся, и она опустила глаза на край атласного одеяла, который бессознательно теребила пальцами.

Она лишь час как вернулась из больницы, где ей пришлось провести ночь. Домой ее отвезли все те же Пинки и Бонни. Они хлопотали вокруг нее, как две большие наездки: постелили ей плед на диване в гостиной, таскали туда-сюда еду и подушки, переговариваясь почти шепотом. Ей вспомнились дни сразу после похорон Томаса. Скорбные лица Пинки и Бонни снова были как нельзя более кстати. В ее дом пришла новая смерть. Смерть ее ребенка.

Пинки понуро сидел у открытого окна. Бонни тоном диктатора заявила, что если ему невмоготу, то пусть уж курит, но только у окна. С неожиданным по-короством он подчинился. Думая, впрочем, не о Бонни, а в первую очередь о Кари.

– Как чувствуешь себя, милая?

– Пусто, – ответила она тихо. Тонкая рука скользнула по впалому животу. Этот жест подметили оба – и Пинки, и Бонни.

– Боже милосердный, ну почему ты не сказала нам, что беременна? Почему...

– Пинки, – осуждающе, с расстановкой проговорила Бонни.

Он злобно зыркнул на нее и глубоко затянулся сигаретой.

– Я просто хотел сказать, что если бы мы знали, то уж как-нибудь, черт возьми, заставили бы ее получше следить за своим здоровьем.

– Не вини себя, Пинки, – успокоила его Кари. – В том, что произошло, виноват только один человек. – «Хантер Макки, Хантер Макки, Хантер Макки», – застучало, словно скандируя, в ее мозгу. Господи, до чего же ненавистно было сейчас ей это имя.

От звонка в дверь вздрогнули все трое. Пинки вскочил с места, чтобы открыть.

– Миссис Кари Стюарт-Уинн дома? – осведомился некто в форменной одежде, смахивающей на полицейскую.

– Нет, – отрезал Пинки и собирался уже захлопнуть дверь.

– Пусть войдет, Пинки, – подала голос Кари со своего дивана. – Я давно уже жду этого визита. Вы с повесткой? – спросила она человека в форме, который двинулся к ней в обход пунцового толстяка.

– Так точно, мэм, – вручил тот ей бумажку и удалился так же быстро, как и вошел. Обма-терив его в спину, Пинки лязгнул дверью так, что задрожали стены.

– Вызов в суд. Мне нужно быть там семнадцатого числа, – прочитала Кари повестку.

– Семнадцатого? – удивленно спросила Бонни. – Так ведь это...

– Послезавтра! – закончил за нее Пинки. – О явке в суд не может быть и речи. Я лично позвоню Макки и сообщу о сложившихся обстоятельствах. Я ему скажу, я ему такое скажу...

– Ничего ты ему говорить не будешь, – выпрямилась Кари на диване. Резкое движение сразу же вызвало у нее переутомление, и она обессиленно откинулась на спинку. – Я буду там точно в назначенный день и час.

– Но ты же не в состоянии, – запротестовал Пинки. – Ты же от кровати до стула еле поползаешь. Господи, Кари, да у тебя же внутри все выскоблено...

– Заткнись, Пинки! – взорвалась Бонни. – В тебе деликатности не больше, чем в паровом катке. Ради Христа, успокойся. – Тут же присмирив, Пинки снова мешковато сторбился на стуле, а Бонни, встав у дивана на колени, нежно взяла Кари за руку. – Подумай, хорошая моя, так ли это необходимо. Ты уверена, что сейчас тебе это под силу? Ведь это тяжкое испытание для любого человека и в любое время. Но для тебя, сейчас... Давай-ка мы позвоним ему и просто скажем, что ты заболела. А о выкидыше – ни слова, коли ты того не хочешь. Скажем, нездоровится, и дело с концом.

– Нет, – твердо ответила Кари. – Он сочтет, что я испугалась, что я прячусь от него. Да только пусть не думает, что я струсилась. Он вызвал меня в суд, но последнее слово там будет за мной.

Она была в черном.

Он увидел ее сразу, едва она вошла в зал суда. На ней был черный костюм и розовая блузка. Узкая юбка, жакет сидит как влитой. Блузка виднелась лишь в небольшом вырезе, да еще две розовые полосочки манжет выглядывали из-под черных обшлагов. Волосы были собраны на затылке в кудрявый хвостик, перехваченный черной бархатной лентой. В ушах поблескивали небольшие жемчужины. Зеленый цвет глаз был единственным живым цветом в облике этой женщины. На ее бледном лице эти глаза казались неправдоподобно большими.

Их взгляд, метнувшись в его сторону, остановился немигающе и безучастно, а потом постепенно ушел куда-то. Огромные зеленые глаза больше не смотрели на него.

Она выглядела ангелом, принявшим страшную муку. А он еще никогда не чувствовал себя таким законченным негодяем.

Гай Брейди, его младший помощник, тихонько присвистнул.

– Ох, мамочки, а девочка-то наша ничего. В жизни даже лучше, чем по телику.

Обернувшись, Хантер смерил его таким испепеляющим взглядом, что молодому стряпчему не оставалось ничего, кроме как зарыться с деловым видом в кипу лежавших перед ним бумаг.

Хантер старался смотреть на Кари исподтишка, боясь, как бы его внимание не показалось ей излишне навязчивым. Она села во втором ряду. Сопровождал ее коротенький и плотный человечек с волосами соломенного цвета и красной, как свекла, физиономией. Он не отходил от нее ни на шаг, словно был ее телохранителем.

Объявили о прибытии судьи, суд возобновил работу. Слово было за Хантером, и он в очередной раз напомнил о сути обвинений, которые рассматривались на процессе в течение последних нескольких дней. Закончив со вступлением, прокурор вызвал двух свидетелей. Их показания оказались весьма скудными, повторяя в основном то, что суд уже слышал ранее от других.

Следующей по списку Хантера шла Кари Стюарт-Уинн.

Он молча прочитал ее имя. Вот он, решающий момент. Вызывать или нет? Если он сейчас не вызовет ее для дачи показаний, у него еще останется шанс завоевать ее расположение, дружбу, а там и... кто знает?.. Все может быть, хотя и маловероятно. Уж слишком оптимистична эта ослепительная мечта.

Если же он ее вызовет, то его шансы рассыплются в прах. Все до одного...

Но он давал присягу блюсти законность, и не его вина в том, что ее муж оказался подонком. И если сейчас он не поступит так, как велит ему долг, то разве не будет виновен в нарушении служебных обязанностей точно так же, как и те, кто сидит сейчас на скамье подсудимых?

– Ваша честь, для дачи свидетельских показаний вызывается миссис Кари Стюарт-Уинн.

Легкий гул прошел в зале заседаний. Свидетельница была хорошо знакома каждому в зале по телепередачам, и о ее причастности к рассматриваемому делу мог быть неосведомлен разве что тот, кто только вчера очнулся от летаргического сна.

– Думаешь, расколется? – спросил Гай уголком рта.

– Нет, – ответил Хантер, во все глаза глядя на женщину изумительной красоты, величаво идущую к стойке для свидетелей.

– Чего ж тогда ее вызывать?

– Если она станет упираться, то жюри волей-неволей придется задуматься: а с чего бы это? Верно я говорю? Таким образом, в голове у присяжных сам собой созреет вывод: виновна.

– Так ведь не ее же судят.

– Верно, не ее. Но, что бы она ни думала по этому поводу, на скамье подсудимых незримо присутствует ее покойный муж.

Сраженный наповал железной логикой старшего товарища, Гай уважительно кивнул, однако Хантер не заметил этого кивка. Он по-прежнему смотрел на Кари, которая в этот момент произносила слова присяги. Ее рука, лежавшая на большой черной Библии, выглядела такой хрупкой, словно была сделана из фарфора. Он видел эту изящную женскую ручку в мельчайших подробностях – с переплетением голубых жилок, с тонкими косточками, выступающими под нежной кожей. Ему вспомнился момент, когда он прижимал эту ладонь к своей груди. Тонкая рука Кари была почти невесома, и все же он до сих пор чувствовал ее прикосновение.

Сев на свидетельское место, женщина спокойно встретила его взгляд. Сердце Хантера забилось вдвое чаще. Ну почему она так чертовски красива? И почему именно ему приходится выполнять неблагоприятную миссию избияния младенцев? Почти не скрывая раздражения, прокурор водрузил очки на нос.

– Будьте добры назвать ваше полное имя.

– Кари Элизабет Стюарт-Уинн.

– Вы были замужем за Томасом Уинном?

– Да.

– Как долго?

На ее лице впервые мелькнуло нечто, похожее на эмоции. Судя по всему, вопрос ее удивил, и все же она с прежним спокойствием ответила:

– Два года.

Ясно, что вопрос не имел прямого отношения к делу. Однако у Хантера были причины личного характера заинтересоваться именно этой подробностью ее биографии.

– Вы знакомы с господами Паркером и Хейнсом?

– Да.

– Как близко?

– Они входили в городской совет наряду с моим мужем... Ныне покойным.

В уме ей не откажешь. Специально втиснула эту деталь, чтобы выставить его в роли мучителя беззащитной вдовы. Хотя, впрочем, таковым он и был на самом деле. Если так пойдет и

дальше, то жюри присяжных скоро будет глядеть в рот только ей одной. Ну уж нет, этот фокус у нее не пройдет. А то, чего доброго, он и сам станет жертвой ее чар.

– Ваш муж, будучи членом городского совета, часто совершал путешествия?

– Да.

– И какого же рода это были поездки – деловые, с целью отдыха? Что вы можете сказать по этому поводу, миссис Уинн?

– Мой муж мертв. Каким образом вы можете судить его?

Два – ноль в ее пользу. Хантеру пришлось прибегнуть к помощи судьи.

– Ваша честь, не могли бы вы обязать свидетельницу дать ответ на мой вопрос?

– Так ведь и в самом деле ее мужа нет в числе обвиняемых, мистер Макки, – напомнил ему судья.

– Совершенно верно, ваша честь, однако если бы он был жив, то наверняка находился бы среди них. У меня нет в этом ни малейшего сомнения. Хотя, впрочем, прямого отношения к данному делу это не имеет. Тем не менее у меня есть серьезные основания полагать, что показания этой свидетельницы могут иметь прямое отношение к вопросу о степени причастности господ Паркера и Хейнса к финансовым злоупотреблениям, которые, как утверждается, имели место в городском совете.

– Что ж, будь по-вашему. Миссис Уинн, будьте добры ответить на заданный вам вопрос.

Кари нервно облизнула губы.

– Он часто уезжал по делам.

– Один?

– Думаю, что да.

– Но абсолютной уверенности в этом у вас нет?

– Он совершал эти поездки один, – уверенно произнесла она. Однако Макки знал, что эта уверенность напускная. Судя по всему, присяжные тоже понимали это.

– И вы никогда не путешествовали вместе с ним?

– Если вы имеете в виду именно деловые поездки, то нет.

– Никогда?

– Ни в одной деловой поездке я не сопровождала его, – повторила она.

Отвернувшись от нее, Хантер Макки быстро подошел к столу, на котором Гай заранее разложил все бумаги. Уверенно раскрыв папку, он начал рыться в ворохе квитанций.

– Остается предполагать, что отпуск вы проводили вместе.

– Да.

– И развлекаться вместе ездили?

– Да. Развлекаться, отдыхать, в отпуск – назовите это как хотите.

По тому, как она заерзала на стуле, Хантер мог сказать, что этот кажущийся бессмысленным допрос понемногу начинает выводить ее из себя. Вместе с тем всякий раз, когда она глядела на папку, в которой рылся прокурор, он мог видеть в ее глазах невольный интерес.

– Как бы вы охарактеризовали случай, когда фрахтуется частный самолет? Не думаете ли вы, что подобная роскошь сопряжена скорее с развлечением, нежели с деловой поездкой?

Этот вопрос был нацелен на то, чтобы выбить ее из колеи. Как он и ожидал, Кари оказалась неготовой к ответу. Задумавшись, она пробормотала:

– Не вполне уверена, что понимаю, о чем идет речь...

Настал его черед переходить в наступление.

– Если из пункта А в пункт В можно долететь обычным регулярным рейсом, не покажется ли вам излишней роскошью нанимать для подобного путешествия частный самолет? От вас требуется простой ответ, мисс Уинн: да или нет.

– Я, право, не...

– Да или нет?

– Да! – выкрикнула она.

Хантер немного ослабил напор. Ему совсем не по душе были яркие пятна, симметрично выступившие на ее щеках. От этого ее лицо казалось еще бледнее. Тонкие сплетенные пальцы на фоне ее черного жакета выглядели бескровными. Неужели со времени их прошлой встречи она похудела еще больше?

Он заставил себя вновь сосредоточиться на деле. Ведь тебе нужно, чтобы их признали виновными, не так ли? И ты не хочешь, чтобы эти сволочи, пиявками сосавшие кровь из налогоплательщиков, ушли от ответственности? Так или нет? В таком случае, Макки, придерживайся правил и перестань думать о ней как о женщине. Выбрось из головы мысль о том, что готов скорее защищать ее, чем атаковать каверзными вопросами. И ради всего святого, перестань любоваться ее личиком, как влюбленный телок.

Еле пряча раздражение, Хантер поправил на носу очки. Он заметил, что Гай с нескрываемым любопытством глазеет на него. Неужели его неуверенность очевидна до такой степени?

– И не считаете ли вы, что взятые напрокат яхты, лимузины и тому подобное также являются предметами роскоши, более подходящими для увеселительных прогулок?

– Пожалуй, да, считаю.

Тут уж он напустился на нее вовсю, словно стремясь доказать самому себе, что еще может быть твердым.

– А раз вы так считаете, то почему, по-вашему, мистер Уинн прибежал к столь дорогостоящим средствам передвижения, когда официально предполагалось, что эти поездки совершаются в интересах населения города Денвера?

– Он не делал этого!

– Протестую, – подал голос защитник из-за своего стола. – Мистер Макки заставляет свидетельницу делать умозаключения.

– Протест поддержан, – произнес нараспев судья.

Если бы Хантер позволил себе улыбнуться, то улыбка получилась бы в высшей мере самодовольной. Жюри присяжных выслушало обвинение и пылкое отрицание вины Уинна со стороны Кари. Только это ему и требовалось.

– Скажите, вы узнаете на этой квитанции подпись своего мужа? – сунул он ей под нос какую-то бумажку.

Она быстро пробежала ее глазами.

– По... похоже. Вполне возможно, что это действительно его подпись.

– А здесь? – появилась на свет еще одна бумажка. – И здесь?

Адвокат подскочил как ужаленный.

– Ваша честь, мистер Макки намеренно нервирует свидетельницу! Она не может установить подлинность этих подписей, тем более сейчас, когда дает показания под присягой. Это может сделать только эксперт.

– Протест поддержан. Мистер Макки, думается, вы и так уже достаточно ясно дали свидетельнице понять, чего от нее добиваетесь.

– Да, ваша честь. – Он снова взглянул на Кари, и сердце его екнуло при виде капелек пота над ее верхней губой. Ее грудь бурно вздымалась.

Чуть подавшись вперед, он осведомился у нее:

– С вами все в порядке? Не хотите ли воды? – У него возникло бессознательное стремление взять ее ладони, чтобы согреть их. Отчего-то он был уверен, что сейчас ее пальцы холодны как лед.

– Спасибо, не надо, – твердо отказалась она, не глядя ему в глаза.

Хантер вернулся на свое место. Она явно презирала его. А ведь самое ужасное было еще впереди. Чтобы дать ей возможность немного прийти в себя, он сделал вид, что просматривает свои бумаги. Когда дольше тянуть было уже нельзя, прокурор снова взялся за дело.

– Скажите, миссис Уинн, не отвлекался ли ваш покойный муж во время деловых поездок на различные... э-э-э... увеселения?

– Я уже говорила вам, что не сопровождала его в подобных поездках. А потому не знаю.

– А вы подумайте получше.

Защитник снова вскочил на ноги.

– Протестую, ваша ч...

– Я поставлю вопрос в иной форме, – тут же поправился Хантер. Подойдя медленной походкой к стойке для свидетелей, он небрежно облокотился на нее, словно намеревался просто дружески поболтать с Кари. – Когда ваш муж был жив, вы часто устраивали дома, назовем это так, увеселительные мероприятия?

– Да. У Томаса было много друзей, и он любил принимать их у себя дома.

Его бровь вопросительно поползла вверх.

– А сами вы – нет?

– Я этого не говорила, – раздраженно отрезала она. – Я тоже любила встречать гостей. Очень любила!

– Значит, как явствует из ваших слов, мистер Уинн любил развлечения?

– Да.

– Таким образом, есть достаточно оснований предполагать, что мистер Уинн любил принимать гостей и в тех случаях, когда находился вне дома?

– Ваша честь, обвинитель...

Судья успокаивающе поднял руку.

– Кажется, я понимаю, куда клонит мистер Макки, и мне тоже хотелось бы выслушать ответ миссис Уинн.

– Но он снова требует от свидетельницы умозаключений, – не унимался адвокат.

– Хорошо, я перефразирую вопрос, – милостиво согласился Хантер. – Вам известны какие-либо конкретные случаи, когда ваш муж принимал гостей, находясь вне дома?

Ее глаза забежали. Кари не знала, что ответить, а потому лихорадочно пыталась найти подходящий ответ.

– Нет, – вымолвила она наконец. Чутье подсказало Хантеру, что свидетельница не кривит душой.

– И он никогда не говорил вам, что устраивал где-то званые обеды или ужины?

– Может, и говорил. Не помню.

– Не помните, значит? А разве вы никогда не интересовались, чем он занимается, находясь в отъезде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.